По их следам

Автор:
Тесс Герритсен

По их следам

Тесс Герритсен

Иностранный детективСемейство Тэвисток #1

Отец и мать Джордана и Берил Тэвисток, агенты британской секретной службы, были убиты в Париже при загадочных обстоятельствах. Осиротевших детей воспитал их дядя Хью, в прошлом также разведчик. На вечеринке в доме дяди от подвыпивших гостей брат и сестра узнают, что двадцать лет назад полиция и спецслужбы пришли к выводу, что предатель Бернард Тэвисток убил свою жену и затем совершил самоубийство. Берил и Джордан уверены в том, что дело было сфабриковано, но как это доказать? Брат и сестра отправляются в Париж, чтобы докопаться до истины и защитить доброе имя своих родителей…

Тесс Герритсен

По их следам

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Посвящается Мисти, Мэри и the Breakfast Club

Пролог

Париж, 1973 год

Она опаздывала. Это было не похоже на Мэдлин, совсем не в ее привычках.

Бернард Тэвисток заказал еще одну чашку кофе с молоком и стал не спеша потягивать его, время от времени бросая взгляды через окно в надежде наконец-то увидеть свою жену. Но его взору представала лишь обычная для Левого берега картина: туристы и парижане, скатерти в красно-белую клетку, буйство ярких, типично летних красок. И никаких признаков его приметной, с волосами цвета воронова крыла супруги.

Мэдлин задерживалась уже на полчаса – такое опоздание нельзя было списать на дорожные пробки. Ботинок Бернарда принялся отбивать барабанную дробь, откликаясь на волнение, нараставшее в душе его хозяина. За все годы их брака Мэдлин редко опаздывала на встречи, а если это и случалось, то всего на несколько минут. Другие представители сильного пола могли стонать и закатывать глаза в характерно мужском отчаянии, сетуя на своих вечно опаздывающих супруг, но Бернарду грех было жаловаться – ему посчастливилось заполучить пунктуальную жену. Красивую, великолепную жену! Женщину, которая и спустя пятнадцать лет после свадьбы продолжала удивлять его, восхищать, очаровывать…

Какого дьявола она так опаздывает?

Бернард окинул взглядом бульвар Сен-Жермен. Тревога нарастала, и теперь он уже не просто рассеянно постукивал носком ботинка по полу, а ясно ощущал сильное беспокойство. Возможно, произошла авария на дороге? Или жену задержал поданный в последнюю минуту сигнал тревоги от их связного из французской разведки Клода Домье?

За последние две недели события развивались в бешеном темпе. Эти слухи об утечке информации из разведывательной службы НАТО – произошедшей, очевидно, по вине «крота», внедрившегося в глубь организации, – заставили их всех с подозрением бросать взгляды через плечо, гадая, кому же из давних коллег больше нельзя доверять. Мэдлин чересчур долго ждала инструкций от

британской секретной службы МИ-6. Может быть, в самый последний момент пришло какое-то важное сообщение…

И все-таки жена должна была предупредить его!

Бернард поднялся из-за столика и направился было к телефону, но тут заметил официанта Марио, усердно махавшего ему. Молодой человек быстро и ловко пробрался между битком набитыми столиками.

– Месье Тэвисток, вам оставили сообщение по телефону. От мадам.

Бернард с облегчением выдохнул:

– Где она?

– Мадам просила передать, что не сможет приехать на ланч. Она хочет, чтобы вы встретились с ней.

– Где?

– По этому адресу. – Официант вручил Бернарду клочок бумаги, запачканный непонятной субстанцией, напоминавшей томатный суп. Адрес был небрежно нацарапан карандашом: «66, улица Мира, квартира 5».

Бернард озадаченно нахмурился:

– Разве это не в районе площади Пигаль? Что же, черт возьми, она делает в таком злачном местечке?

Марио пожал плечами, покачал типично галльской, заостренной формы головой и задумчиво выгнул бровь:

– Не знаю. Она продиктовала мне адрес, я записал.

– Что ж, спасибо. – Бернард вытащил бумажник и вручил парню неплохую сумму во франках, достаточную для того, чтобы заплатить за два кофе с молоком и

наградить щедрыми чаевыми.

– Мерси, – просиял от радости официант. – Вы вернетесь к ужину, месье Тэвисток?

– Только если мне удастся разыскать жену, – пробормотал Бернард и решительно зашагал к своему «мерседесу».

Тэвисток поехал к площади Пигаль, не переставая ворчать себе под нос. Ну зачем, спрашивается, ее туда понесло? Это была не самая безопасная часть Парижа для женщины – впрочем, сказать по чести, и для мужчины тоже. Бернарда успокаивало лишь осознание того, что его любимая Мэдлин способна сама позаботиться о себе, хвала всем святым! Жена стреляла гораздо лучше его, и автоматический пистолет, который она обычно носила в сумочке, всегда был полностью заряжен – на этой мере предосторожности он настаивал с памятной операции в Берлине, едва не закончившейся полной катастрофой. Ужасно, но в наши дни нельзя доверять даже собственным людям! Некомпетентные сотрудники повсюду: в МИ-6, в НАТО, во французской разведке. Помнится, Мэдлин оказалась в ловушке восточных немцев в том здании, и некому было прийти ей на помощь. «Если бы я не подоспел вовремя…» – мелькнуло в голове Бернарда.

Нет, он не хотел бы пережить весь этот ужас снова! Горький урок пошел Мэдлин на пользу: с тех пор заряженный пистолет стал неизменным дополнением ее гардероба.

Повернув на улицу де Шапель, Тэвисток в отвращении тряхнул головой, когда его взору предстала пошлая уличная картина, кричаще безвкусные ночные клубы, полураздетые женщины, в зазывных позах стоящие на каждом углу. Завидев «мерседес» Бернарда, дамы принялись заманивать его в свои сети – пылко, безрассудно… Неудивительно, что янки называют этот район «свиной аллеей». В это место обычно приезжают за быстрыми удовольствиями, запретными наслаждениями. «Мэдлин, – с отчаянием подумал Тэвисток, – ты что, окончательно спятила? Что же могло привести тебя сюда, в это опасное место?»

Бернард свернул на бульвар Байе, выехал на улицу Мира и припарковался перед домом номер 66. С недоверием смерив взглядом здание, он заметил три этажа осыпающейся штукатурки и провисшие балконы. Неужели жена и в самом деле

ждет его здесь, в этих развалинах? Тэвисток захлопнул дверцу «мерседеса», подумав о том, что еще очень повезет, если по возвращении он обнаружит автомобиль на месте. Наконец, с большой неохотой, Бернард вошел в дом.

В этом ветхом здании обитали люди, по крайней мере, так говорили явные признаки: на лестничной клетке валялись детские игрушки, из какой-то квартиры доносились звуки радио. Тэвисток поднялся по лестнице. Запахи жареного лука и сигаретного дыма, казалось, давно пропитали здешний воздух. Квартиры под номерами 3 и 4 располагались на втором этаже, и он проследовал по узкой лестнице наверх, к последнему этажу. Жилище под номером 5 представляло собой мансарду, его низенькая дверца была втиснута у самой крыши.

Бернард постучал. Ответа не последовало.

– Мэдлин? – позвал он. – Ты действительно здесь, это не розыгрыш?

Никто по-прежнему не откликался.

Бернард толкнул дверь – она была незаперта. Войдя внутрь, он оказался в маленькой квартирке под крышей. Жалюзи закрывали окна, отбрасывая полоски тени и света поперек комнаты. У одной из стен стояла большая кровать из меди, смятые простыни все еще хранили следы недавних обитателей постели. На прикроватном столике виднелись два стакана, пустая бутылка из-под шампанского и разнообразные приспособления, которые можно было деликатно именовать «помощниками супружества». Вся комната пропахла спиртным, потом пылкой страсти и возбужденных тел.

Озадаченный взгляд Бернарда постепенно переместился к ножке кровати, остановился на женских туфельках с высокими каблуками, брошенных на полу. Нахмурившись, он подошел ближе и увидел, что обувь лежит в блестящей лужице крови. Обогнув кровать, Тэвисток застыл, не веря собственным глазам.

Его жена лежала на полу, черные как смоль волосы Мэдлин разметались, словно крылья ворона. Ее глаза были открыты. Три струйки крови стекали вниз, оставляя следы на белой блузке.

Бернард бросился на колени рядом с женой.

– Нет! – вскричал он. – Нет!!!

Коснувшись лица любимой женщины, он ощутил теплоту, которую все еще хранила ее щека. Прижавшись ухом к окровавленной груди, Тэвисток не услышал ни малейших признаков сердцебиения, дыхания. С его уст сорвались рыдания, горестный, скорбный крик неверия:

– Мэдлин!

Стоило эху ее имени раствориться в воздухе, как позади Бернарда послышался другой звук – чьих-то шагов. Мягких, приближающихся…

Бернард обернулся и в замешательстве уставился на дуло, наведенное прямо на него, – дуло пистолета Мэдлин. Он взглянул на лицо, нависшее над стволом оружия, – в этом не было смысла, абсолютно никакого смысла!

– За что? – только и произнес Бернард.

В ответ раздался лишь унылый, низкий звук пистолетного глушителя. Вылетевшая пуля сразила Тэвистока, заставив его растянуться на полу рядом с Мэдлин. За несколько стремительно промелькнувших секунд он успел осознать, что тело жены лежит совсем рядом, а ее волосы, подобно шелку, нежно касаются его пальцев. Из последних сил потянувшись к Мэдлин, Бернард взял ее голову в свои ладони. «Моя любовь! – пронеслось в его сознании. – Моя дорогая, моя единственная любовь!» И его руки безжизненно упали…

Глава 1

Бекингемшир, Англия

Двадцать лет спустя

Джордан Тэвисток сидел развалившись в большом мягком кресле дяди Хью и с изумлением рассматривал, как уже делал тысячу раз до этого, портрет своего

давно почившего предка, несчастного графа Ловатского. Ах, какая восхитительная ирония есть в том, подумал Джордан, что лорд Ловат может пристально взирать с этого почетного места над каминной полкой! Ничто иное не могло лучше свидетельствовать о склонности семьи Тэвисток к причудам, чем решение открыто демонстрировать портрет одного из своих родственников, который в буквальном смысле потерял голову в Тауэр-Хилл, на известном месте для публичных казней. Лорд Ловат оказался последним человеком, который был обезглавлен в Англии, – разумеется, если не учитывать неофициальные данные.

Джордан поднял свой бокал, провозглашая тост за горемыку графа, и залпом опрокинул в себя внушительный глоток шерри. Ему очень хотелось пропустить еще одну порцию горячительного, но часы показывали пять тридцать – гости вот-вот должны были начать собираться на прием в честь Дня взятия Бастилии.

«Нужно оставить по крайней мере несколько серых клеточек в исправном состоянии, – подумал Тэвисток. – Возможно, остатки здравого смысла пригодятся мне, чтобы поддерживать всю эту пустую болтовню». К слову сказать, болтовня была одним из наименее любимых Джорданом занятий.

Большей частью он успешно избегал всех этих светских сборищ с икрой, вечерними нарядами и галстуками-бабочками, которые имел обыкновение устраивать дядя Хью. Но сегодняшний раут, который давался в честь гостей их дома – сэра Реджи и леди Хелены Вэйн, мог оказаться более занятным, чем обычная встреча любителей лошадиных бегов.

Это был первый большой прием с момента выхода в отставку дяди Хью, некогда служившего в британской разведке, и сегодня в гости должны были пожаловать несколько его бывших коллег по МИ-6. Подумать только, Джордан мог оказаться в одной компании со старыми дядиными коллегами из Парижа! Все они прибыли в Лондон ради недавнего экономического саммита, и возможность пообщаться с такими интересными людьми обещала весьма увлекательный вечер. Каждый раз, когда бывшие шпионы и дипломаты собирались в одной комнате, наружу выплывали всевозможные тайны и любопытные факты.

Джордан с уважением взглянул на дядю, который вошел в кабинет, ворча что-то себе под нос. Уже одетый в смокинг, Хью старался, хотя и безуспешно, прикрепить бабочку – вместо того, чтобы изящно прицепить галстук, дядя умудрился завязать тугой морской узел.

– Джордан, помоги мне сладить с этой проклятой штукой, сможешь? – попросил Хью.

Джордан послушно поднялся с удобного кресла и развязал узел.

– А где Дэвис? Он лучше справляется с подобного рода вещами.

– Я отправил его за твоей сестрой.

– Берил снова куда-то запропастилась?

– Разумеется. Только упомяни словосочетание «коктейльная вечеринка», и она пулей вылетит за дверь.

Джордан принялся завязывать галстук дяди в форме банта.

– Берил никогда не любила вечеринок. И, между нами говоря, мне кажется, что она не самого высокого мнения о Вэйнах.

– Хм, неужели? Но они – прекрасные гости! Такие всегда придутся к месту…

– Они с Берил вечно обмениваются противными мелкими колкостями.

– Ах, ты об этом!.. Вэйны все время так общаются. Я уже привык пропускать мимо ушей их язвительные замечания.

– А ты обращал внимание, что Реджи следует за Берил по пятам, словно преданный щенок?

Хью рассмеялся:

– Когда рядом оказывается красивая женщина, Реджи каждый раз превращается в преданного щенка.

– Понятно. И совсем неудивительно, что Хелена вечно стреляет в него красноречивыми взглядами.

Джордан отстранился и окинул бабочку дяди хмурым оценивающим взглядом.

– Как выглядит?

– Думаю, так, как и должно выглядеть.

Хью посмотрел на часы:

– Пора проверить, как дела на кухне. Проследи, чтобы все было в порядке. И почему Вэйны все еще не спустились?

Словно в ответ на эти слова с лестницы донесся звук недовольных, ворчливых голосов. Леди Хелена по привычке бранила мужа.

– Кто-то же должен указать тебе на эти вещи! – делала внушение она.

– Да, и это, как всегда, ты, не так ли?

Спасаясь бегством от преследовавшей его жены, сэр Реджи влетел в кабинет. Джордану никак не удавалось найти решение давно мучившей его загадки: что же связывает эту пару, половинки которой столь очевидно не подходят друг другу? Сэр Реджи, привлекательный седовласый мужчина, возвышался над своей женой – маленькой серой мышкой. Возможно, этот странный альянс объясняло солидное наследство, перешедшее Хелене, – в конце концов, деньги наилучшим способом уравнивали любые положения.

Когда стрелки часов подползли к шести, Хью наполнил бокалы шерри и вручил их присутствующим, не забыв и о себе.

– Прежде чем нагрянет шумное полчище, – сказал он, – мне хотелось бы провозгласить тост за ваше благополучное возвращение в Париж!

Все сделали по глотку. Это походило на торжественную церемонию – последний перед отъездом вечер, проведенный в компании старых друзей.

Пришел черед Реджи поднять бокал:

– И за здешнее английское гостеприимство! Мы так его ценим!

С подъездной дороги раздался звук автомобильных шин, шуршащих по гравию. Хозяева дома и гости выглянули из окна, чтобы рассмотреть первый лимузин, оказавшийся в пределах видимости. Шофер открыл дверцу, и из машины вышла женщина лет пятидесяти. Каждый изгиб ее зрелого тела очерчивало зеленое платье, сверкавшее стеклярусом. Следом из автомобиля показался молодой человек в пурпурной шелковой рубашке, взявший женщину под руку.

– О боже, это Нина Сазерленд и ее ужасно невоспитанный сын! – пробормотала Хелена. – И какая нелегкая ее принесла?

Между тем все еще находящаяся снаружи дама в зеленом вдруг заметила стоявших в окне.

– Привет, Реджи! Хелена! – окликнула она своим низким и глухим, как фагот, голосом.

Хью поставил бокал с шерри на стол.

– Пришла пора встречать варваров, – со вздохом констатировал он и вместе с Вэйнами направился к парадному входу, чтобы приветствовать первых прибывших.

Джордан немного помедлил, чтобы осушить бокал, давая себе время приклеить на лицо улыбку и приготовиться к нескончаемым рукопожатиям. День взятия Бастилии – что за повод для вечеринки! Он одернул полы смокинга, расправил рубашку с оборками на груди и покорно поплелся к входной двери. Что ж, показушное светское мероприятие начинается!

А где же, черт побери, его сестра?

* * *

В этот самый момент объект размышлений Джордана Тэвистока во весь опор гнала лошадь по зеленому лугу. «Бедной старой Фрогги нужна разминка, –

подумала Берил. – Да и мне тоже не помешает». Она наклонилась вперед, ощутив силу встречного ветра, почувствовала стремительное движение гривы Фрогги у своего лица и вдохнула этот восхитительный аромат лошадиной плоти, сладкого клевера и теплой июльской земли.

Фрогги наслаждалась этим спринтом точно так же, как и хозяйка, если не больше. Берил могла ощущать, как напрягаются мощные мускулы лошади, увеличивая скорость движения. «Фрогги – демон, как и я!» – пронеслось в голове Берил, и она неожиданно разразилась громким смехом – тем самым диким, безудержным смехом, который всегда заставлял бедного дядю Хью съеживаться от испуга. Но здесь, среди этих бескрайних лугов, Берил могла смеяться, как невоспитанная, распущенная женщина, зная, что никто ее не услышит. Ах, если бы только она могла скакать вот так, как одержимая, целую вечность! Увы, препятствия и стены, казалось, возникали на ее жизненном пути повсюду. Это были преграды разума, сердца. Берил пришпорила лошадь, словно резко возросшая скорость могла позволить ей спастись от всех гнавшихся по пятам бесов.

День взятия Бастилии – что за странный повод для приема? Дядя Хью обожал подобные сборища, да и Вэйны были старыми друзьями семьи, они заслужили славные проводы. Но стоило Берил взглянуть на список приглашенных, как сразу стало понятно: это будет очередное утомительное, скучное мероприятие. Ну неужели бывшие шпионы и дипломаты не могут придерживаться более увлекательного образа жизни? Она не могла представить себе Джеймса Бонда, вышедшего в отставку и теперь бесславно копающегося в своем саду.

И все же именно этим, казалось, и занимался дядя Хью днями напролет. Наиболее значимым моментом недели стало для него созревание первого гибридного томата сорта «непал» – это был самый ранний помидор за все время дядиного занятия огородничеством! Что касается его друзей, то и их Берил не могла вообразить крадущимися по опасным закоулкам Парижа или Берлина. Разве только Филиппа Сен-Пьера – возможно, он мог, у Берил получалось представить его в молодые годы. Сейчас, в шестьдесят два, Филипп все еще отличался особым шармом – этакий галльский сердцеед. И Реджи Вэйн, вероятно, обладал примечательной внешностью много лет назад. Но большинство старых коллег дяди Хью казались… как бы это сказать… несколько потрепанными.

«Я такой никогда не буду! Только не я!» Берил пустила Фрогги галопом, предоставив той полную свободу действий. Они промчались по последнему участку луга и пролетели через молодой лесок. Фрогги, уже задыхаясь, сбавила темп – перешла на рысь, а потом и на спокойный шаг. Берил остановила лошадь у каменной стены церкви. Там она спешилась и позволила Фрогги прохаживаться поблизости, не став ее привязывать.

Церковное кладбище было безлюдно, могильные плиты отбрасывали поперек лужайки длинные тени. Берил перелезла через низкую стену и прошла среди захоронений, остановившись у небольшого участка, на котором бывала так часто. Красивый строгий обелиск возвышался над двумя могилами, которые располагались совсем рядом друг с другом. Памятник не украшали причудливые узоры, на его мраморной поверхности не были вырезаны изображения очаровательных ангелов. Там значились только слова:

БЕРНАРД ТЭВИСТОК, 1930 – 1973

МЭДЛИН ТЭВИСТОК, 1934 – 1973

На Земле, как и на Небе, мы вместе.

Берил опустилась на колени среди травы и долго смотрела на место упокоения своих матери и отца. «Завтра исполнится двадцать лет, – подумала она. – Как жаль, что я не могу более четко вас вспомнить! Ваши лица, ваши улыбки…»

В памяти Берил остались лишь случайные, незначительные вещи. Запах чемоданов из кожи, ароматы маминых духов и папиной трубки. Приятный хруст бумаги, когда они с Джорданом разворачивали привезенные родителями подарки. Куклы из Франции. Музыкальные шкатулки из Италии. И еще был смех. Все время звучал смех… Сидя с закрытыми глазами, Берил вслушивалась в этот звук счастья, доносившийся и теперь, спустя двадцать лет. Отголоски ее детства не могли заглушить ни вечернее жужжание насекомых, ни бряцание сбруи Фрогги.

Церковный колокол прозвонил шесть раз. Берил моментально выпрямилась. О нет, разве уже так много времени? Она оглянулась и заметила, что тени стали

еще длиннее, а Фрогги переминается у стены, выжидающе глядя на хозяйку. «О боже, – мелькнуло в голове Берил, – дядя Хью будет здорово на меня сердиться!»

Она сломя голову помчалась с кладбища и на ходу запрыгнула на спину Фрогги. В следующее мгновение они уже летели через зеленый луг – лошадь и наездница, слившиеся в единое целое. «Времени все меньше, нужно ехать кратчайшим путем», – подумала Берил, направляя Фрогги к деревьям. Это решение подразумевало прыжок через каменную стену, а потом бешеную скачку по дороге, и все же подобный выбор пути сократил бы их путь на целую милю.

Фрогги, казалось, понимала, как важно было выиграть время. Она набрала скорость и приблизилась к каменной стене с рвением бывалого участника скачек с препятствиями. Лошадь аккуратно подпрыгнула, оставив себе несколько дюймов запаса. В лицо Берил ударил мощный порыв ветра, и она почувствовала, как Фрогги воспарила вверх, а потом приземлилась по другую сторону стены. Все, самое серьезное препятствие осталось позади. Теперь нужно лишь миновать тот поворот на дороге…

Внезапно в глаза Берил ударила красная вспышка, и она услышала визг автомобильных покрышек. Испуганная громкими звуками, Фрогги будто взбесилась и резко метнулась в сторону. Этот неожиданный крен застал Берил врасплох. Она вылетела из седла и с тяжелым, глухим стуком упала на землю.

Первой реакцией Берил после того, как голова перестала кружиться, было безмерное удивление: и как это ей вообще удалось упасть, да еще и из-за такой глупости! Следующей эмоцией наездницы был страх – она боялась за Фрогги, которая вполне могла пострадать.

Вскочив, Берил поспешила к лошади, чтобы схватить ту под уздцы. Фрогги, все еще напуганная, нервно топталась на дороге. Послышался треск захлопываемой дверцы машины, и кто-то направился к ним, заставив лошадь еще больше забеспокоиться.

– Не подходите ближе! – зашипела Берил через плечо.

– Вы в порядке? – раздался взволнованный вопрос. Он был задан мужчиной с приятным баритоном. Судя по акценту, американец.

– Со мной все хорошо, – резко бросила Берил.

– А как насчет вашей лошади?

Что-то мягко бормоча своей верной Фрогги, Берил опустилась на колени и осторожно ощупала одну из ее передних ног. Судя по всему, хрупкие кости остались целыми и невредимыми.

– С ним все в порядке? – осведомился незнакомец.

– Это – она, – ответила Берил. – И, кажется, с ней все просто отлично.

– Я еще в состоянии отличить пол животного, – последовал сухой ответ. – Если, конечно, удается заметить его важнейший орган.

Сдержав улыбку, Берил выпрямилась и обернулась к мужчине. Окинув его взглядом, она отметила темные волосы, черные глаза в окружении веселых морщинок. А еще застывшую на лице ироническую усмешку, в которой искривилась его верхняя губа. Ему было, вероятно, сорок с лишним. На незнакомце был принятый для официальных церемоний галстук-бабочка, его широкие плечи впечатляюще выступали под смокингом.

– Мне очень жаль, что вы упали, прошу прощения, – сказал мужчина. – Полагаю, в этом виноват я.

– Поймите, это проселочная дорога! Определенно не то место, где можно ехать на такой высокой скорости. Здесь никогда нельзя точно сказать, какие каверзы таит в себе очередной поворот.

– В этом я только что убедился.

Фрогги нетерпеливо подтолкнула хозяйку. Берил погладила шею лошади, чувствуя на себе пристальный, изучающий взгляд незнакомца.

– У меня есть что-то вроде оправдания, – объяснил он. – Я основательно заплутал в этих загородных окрестностях и теперь опаздываю. Пытаюсь найти местечко

под названием «Четвинд». Вы знаете, где это?

Берил в изумлении вскинула голову:

– Вы направляетесь в Четвинд? Но вы неверно выбрали дорогу!

– В самом деле?

– Вы поторопились и свернули на полмили раньше. Нужно вернуться к главной дороге и ехать по ней. Нужный поворот вы не пропустите. Это частная дорога, по обе стороны которой растут вязы – довольно высокие.

– Понял, буду ориентироваться на вязы.

Берил снова вскочила на спину Фрогги и пристально взглянула сверху вниз на незнакомца. Даже глядя на него с высоты лошади, Берил отметила, что он производит внушительное впечатление – стройный, элегантный, в смокинге… И поразительно самоуверенный – отнюдь не тот человек, которого может напугать кто-либо, даже женщина, сидящая верхом на девяти сотнях фунтов лошадиных мускулов.

– Вы уверены, что не пострадали? – спросил он. – Мне показалось, падение было весьма серьезным.

– О, я уже падала прежде, – улыбнулась в ответ Берил. – У меня крепкая голова.

Мужчина тоже расплылся в улыбке, и его ровные белые зубы блеснули в сумерках.

– Тогда мне не стоит беспокоиться, что вы впадете в ступор сегодняшним вечером?

– Если кто-то и впадет в ступор сегодня вечером, так это вы.

Он нахмурился:

– Простите?

– В ступор, вызванный скучной, бесконечной пустой болтовней. Судя по тому, куда вы направляетесь, именно такая перспектива перед вами и вырисовывается.

Рассмеявшись, Берил заставила лошадь повернуться.

– Всего доброго! – воскликнула она и, помахав незнакомцу на прощание, пустила Фрогги рысью через лес.

Когда дорога осталась позади, Берил пришло в голову, что она доберется до Четвинда раньше испугавшего ее гостя. Это заставило ее снова рассмеяться. Кто знает, может быть, День взятия Бастилии окажется гораздо интереснее, чем она ожидала. Берил пришпорила лошадь, и Фрогги тут же понеслась галопом.

* * *

Стоя у взятого напрокат автомобиля «М Джи», Ричард Вулф наблюдал за уносящейся вдаль женщиной, чьи темные волосы разметались по плечам, словно лошадиная грива. Через мгновение наездница умчалась прочь, растворилась в глубине леса. Ричард подумал о том, что даже не узнал, как ее зовут. Нужно будет спросить об этой брюнетке лорда Ловата: «Скажи-ка мне, Хью, ты знаком с черноволосой ведьмой, которая словно угорелая носится по окрестностям?» Незнакомка была одета как одна из деревенских девчонок – в поношенную рубашку и испачканные травой брюки для верховой езды, но ее манера говорить свидетельствовала об обучении в одной из лучших школ. Какое очаровательное противоречие!

Ричард сел в машину. На часах теперь было почти шесть тридцать – поездка из Лондона заняла больше времени, чем он ожидал. Черт бы побрал все эти узкие захолустные тропы! Вулф развернул машину и направился к главной дороге, на сей раз не забывая сбрасывать скорость перед поворотами. Нельзя ведь сказать, какой сюрприз может преподнести очередной коварный изгиб дороги – встречу с коровой или козой, например. Или с еще одной несущейся на лошади ведьмой.

«У меня крепкая голова», – вспомнил он и улыбнулся. И в самом деле, очень крепкая. Наездница вылетела из седла – шлеп! – и она в то же мгновение на ногах. А как самоуверенно держалась, словно Ричард не может отличить кобылу от жеребца! Да ему достаточно было бросить лишь один взгляд!

Который он, разумеется, не мог оторвать от незнакомки. Независимо от того, кем на самом деле была эта нахалка, она относилась к тому разряду женщин, на которых Ричард всегда обращал внимание: эти ее черные, цвета воронова крыла волосы, смеющиеся зеленые глаза. Она очень похожа на…

Ричард подавил в себе эту мысль, отбросив ее в трясину плохих воспоминаний. А на самом деле – настоящих кошмаров. Ужасных отголосков его первого задания, его первого провала. Тот случай оказал решающее влияние на карьеру Вулфа, заставил его никогда больше не принимать что-либо на веру, считать само собой разумеющимся. Именно так и стоило работать в этой сфере: проверять сведения, никогда не полагаться на свои источники и всегда, всегда оглядываться через плечо, каждый раз ожидая удара в спину.

Подобные мысли уже начинали изматывать Ричарда: «Возможно, мне следовало бы успокоиться, бросить все и пораньше выйти в отставку. Вести такой же тихий образ жизни, как Хью Тэвисток». Конечно, у Тэвистока были титул и состояние, делавшие его существование весьма комфортным, и все же Ричард каждый раз смеялся, представляя полного и лысеющего Хью Тэвистока в качестве графа «такого-то». «Да, мне просто нужно было угомониться и довольствоваться этими десятью акрами земли в Коннектикуте. Объявить себя графом чего-нибудь и преспокойно выращивать огурцы».

Но тогда Ричард наверняка скучал бы по своей работе – по этим восхитительным, приятно щекочущим нервы мгновениям опасности, международным состязаниям интеллектов, напоминающим хитрую игру в шахматы. Мир менялся так быстро, что день ото дня ты просто не знал, кто был твоими врагами…

Ричард наконец-то заметил поворот на Четвинд. По обе стороны дороги высились величавые вязы – совсем так, как описывала черноволосая женщина. Царственное впечатление от подъездного пути подкреплял особняк, стоявший в самом конце дороги. Это был не просто загородный коттедж – скорее замок, с башенками и увитыми плющом каменными стенами.

Аккуратный, типично английский парк раскинулся на внушительного размера владениях, кирпичная дорожка вела к чему-то, напоминающему средневековый лабиринт. Так вот где старый Хью Тэвисток восстанавливал силы после сорока лет верного служения королеве и стране! Что и говорить, графский титул и наследственные владения значительно облегчали жизнь – понятно, что все эти богатства были приобретены отнюдь не благодаря государственной службе.

Хью производил впечатление простого приземленного парня, который совсем не походил на аристократа, обосновавшегося в загородном имении. У Тэвистока не было ни высокомерных манер, ни претензий на нечто важное – он скорее напоминал рассеянного госслужащего, который совершенно случайно забрел в святая святых МИ-6.

Изумленный роскошью владений приятеля, Ричард поднялся по лестнице, без проблем прошел через сканер безопасности и направился в зал приемов. Там, среди массы уже прибывших гостей, он увидел множество знакомых лиц.

Лондонский экономический саммит привлек политиков и финансистов со всего континента. Вулф сразу заметил американского посла, самодовольного и любопытного, как государство, представителем которого он был. По ту сторону комнаты Ричард увидел трио своих старых знакомых из Парижа. Филипп Сен-Пьер, французский министр финансов, оживленно беседовал с Реджи Вэйном, главой парижского отделения Банка Лондона. В небольшом отдалении стояла жена Реджи, Хелена, которая выглядела игнорируемой и раздраженной, как обычно. Собственно, а видел ли Ричард хоть когда-нибудь эту женщину счастливой и довольной?

Внимание Ричарда привлек громкий, вызывающий женский смех, и он узрел еще одну личность, знакомую ему по парижским временам, – Нину Сазерленд, вдову посла, мерцавшую от горла до лодыжек зеленым шелком и стеклярусом. Несмотря на то что ее муж умер уже достаточно давно, эта немолодая «девочка» все еще работала на публику, словно жена опытного дипломата. Около Нины стоял ее сын лет двадцати, Энтони, который, по слухам, был художником. В своей пурпурной рубашке парень бросался в глаза точно так же, как и его мать. Какой все-таки ослепительной парой они были, будто парочка павлинов! Молодой Энтони, очевидно, унаследовал от матери, бывшей актрисы, ген яркости.

Благоразумно избегая парочки Сазерлендов, Ричард направился к буфетной стойке, украшенной искусно сделанной ледяной скульптурой, которая представляла собой Эйфелеву башню. Повод для вечеринки – День взятия Бастилии – привел к забавным крайностям. Сегодня вечером все без исключения было французским: музыка, шампанское, свисавшие с потолка триколоры…

– В подобной атмосфере поневоле хочется запеть Марсельезу, не так ли? – обратился к нему незнакомый голос.

Обернувшись, Ричард увидел стоявшего рядом высокого блондина. Стройный, с печатью аристократизма на лице, он выглядел элегантно в накрахмаленной рубашке и смокинге. Улыбнувшись, молодой человек вручил бокал шампанского Ричарду. Свет люстры заблестел в мелких пузырьках.

– Вы Ричард Вулф? – осведомился блондин.

Ричард кивнул, принимая из его рук бокал.

– А вы?..

– Джордан Тэвисток. Дядя Хью указал мне на вас, когда вы вошли в зал. И я решил подойти и представиться лично.

Мужчины обменялись рукопожатиями. Джордан сжал ладонь крепко, твердо, совсем не так, как ожидал Ричард от его тонких аристократических рук.

– Итак, поделитесь со мной, – сказал Джордан, мимоходом забирая еще один бокал шампанского, на этот раз для себя, – к какой категории вы относитесь? Шпион, дипломат или финансист?

Ричард рассмеялся:

– И вы ожидаете, что я отвечу на этот вопрос?

– Нет. Но я подумал, что в любом случае спрошу об этом. Что ж, начало положено многообещающее. – Джордан сделал глоток шампанского и улыбнулся. – Для меня это прекрасная умственная зарядка. Помогает не умереть

со скуки на подобных приемах. Я пытаюсь по отдельным чертам и репликам выделить людей, которые имеют отношение к разведывательной службе. И выходит, что половина этих людей работает там. Или работала.

Джордан окинул взглядом зал:

– Только представьте, сколько тайн вмещают в себя все эти головы – сколько данных ограниченного доступа содержится в этих маленьких серых клеточках!

– Судя по всему, вас с этой профессией связывает нечто большее, чем просто мимолетное знакомство.

– Когда растешь в подобной атмосфере, хочешь не хочешь, а будешь жить и дышать этим увлекательным делом. – Джордан смерил Ричарда оценивающим взглядом. – Давайте посмотрим. Итак, вы американец…

– Правильно.

– Нужно принять во внимание, что должностные лица прибыли в длинных лимузинах с сопровождением, а вы приехали самостоятельно.

– Пока все верно.

– И вы называете работу в разведке профессией.

– О, вы обратили на это внимание!

– Таким образом, я бы предположил… Вы из ЦРУ?

Ричард покачал головой и улыбнулся:

– Я всего лишь консультант по личной безопасности. Компания «Сакарофф и Вулф».

Лицо Джордана озарилось ответной улыбкой.

– Умное прикрытие.

– Это не прикрытие. Я самый что ни на есть реальный. А все эти должностные лица, которых вы тут видите, обеспечивают безопасность саммита. Бомба Ирландской республиканской армии могла бы доставить им немало хлопот.

– Выходит, они наняли вас, чтобы избежать козней недоброжелателей, – заключил Джордан.

– Точно, – подтвердил Ричард. «Да, это сын Мэдлин и Бернарда, так и есть, – подумал он. – Этот парень похож на Бернарда, у него такие же цепкие, внимательные карие глаза, те же благородные, точеные черты лица. И он, без сомнения, смышлен. Молодой Тэвисток обращает внимание на детали – необходимое для разведчика умение».

Внимание Джордана вдруг обратилось к вновь прибывшему гостю. Проследив за его взглядом, Ричард повернулся, чтобы увидеть, кто только что вошел в зал приемов. Стоило бросить на эту женщину один беглый взгляд, и Вулф застыл в изумлении.

Это оказалась та самая черноволосая ведьма, только на сей раз она была одета не в старые брюки для верховой езды и сапоги, а в длинное вечернее платье из синего шелка. Ее волосы были уложены элегантными волнами. Даже с такого внушительного расстояния Ричард мог чувствовать волшебные чары привлекательности брюнетки – точно так же, как и остальные мужчины, находящиеся в зале.

– Это она, – пробормотал Ричард.

– Вы хотите сказать, что уже встречались с ней? – удивился Джордан.

– Совершенно случайно. Я напугал ее лошадь на дороге. Она была не слишком довольна падением.

– Вы и правда заставили ее вылететь из седла? – в изумлении произнес Джордан. – А я и не думал, что это возможно!

Женщина плавно скользнула в зал и взяла бокал шампанского с подноса, ее величественный проход через толпу не остался без внимания окружающих.

– Она определенно знает, как подать себя в этом платье, – прошептал Ричард, восторгаясь движениями брюнетки.

– Я обязательно передам, что вы сказали, – тут же отозвался Джордан.

– Нет, вы не сделаете этого!

Засмеявшись, Джордан отставил свой бокал:

– Пойдемте, Вулф! Позвольте мне представить вас надлежащим образом.

Когда они приблизились к прекрасной незнакомке, та поприветствовала Джордана, одарив его радушной улыбкой. Потом пристальный взгляд брюнетки скользнул по Ричарду, и выражение ее лица тотчас изменилось – из дружелюбного оно сделалось недоверчивым. «Не самый лучший знак, – подумал Ричард. – Она помнит, что я стал причиной ее падения с лошади. Я ведь едва ее не убил!»

– Ну вот, – довольно вежливо произнесла «ведьма», – мы и встретились снова.

– Надеюсь, вы простили меня.

– Никогда вас не прощу! – улыбнулась она.

О, какая восхитительная улыбка!

– Дорогая, это Ричард Вулф, – вступил в разговор Джордан.

Женщина протянула руку. Ричард взял ее ладонь, удивившись, каким крепким рукопожатием ответила ему брюнетка. Когда Вулф взглянул в ее глаза, его пронзила неожиданная догадка: «Ну конечно! Я должен был заметить это при первой же встрече! Те же темные волосы, те же зеленые глаза… Она наверняка дочь Мэдлин!»

– Позвольте мне представить Берил Тэвисток, – сказал Джордан. – Мою сестру.

* * *

– Итак, как же вышло, что вы знаете моего дядю Хью? – спросила Берил, когда они с Ричардом вышли прогуляться по садовой дорожке.

Уже сгустились сумерки, мягкие поздние летние сумерки, и цветы скрылись в тени. Благоухание наполняло воздух, это был восхитительный аромат шалфея и роз, лаванды и тимьяна. Берил подумала о том, что новый знакомый движется в темноте, словно кот, так же тихо, плавно, с непостижимой уверенностью…

– Мы познакомились давным-давно, в Париже, – объяснил Ричард. – И на долгие годы потеряли связь. А потом, несколько лет назад, когда я основывал свою консалтинговую фирму, ваш дядя оказал мне любезность, дав несколько ценных советов.

– Джордан сказал, что у вас компания «Сакарофф и Вулф».

– Да. Мы консультанты в сфере безопасности.

– И это ваша настоящая работа?

– Что вы имеете в виду?

– Есть ли у вас, скажем так, неофициальное дело?

Ричард откинул голову назад и от души рассмеялся:

– Вас с братом отличает умение изъясняться честно и открыто, без обиняков.

– Мы научились быть прямыми. Это сокращает время пустой светской болтовни.

– Подобные беседы – основа светского общества.

– Нет, все эти разговоры – лишь способ, к которому прибегает светское общество, чтобы не говорить правду.

– И вы хотите слышать правду, – тут же отреагировал Ричард.

– А разве не все мы этого хотим? – Берил взглянула на собеседника, пытаясь увидеть его глаза в темноте, но заметила лишь тени на силуэте его лица.

– Правда заключается в том, – ответил Вулф, – что я на самом деле работаю консультантом по безопасности. Я управляю фирмой вместе со своим деловым партнером, Ники Сакароффом…

– Ники? Должно быть, это Николай Сакарофф?

– Вы уже слышали это имя прежде? – спросил он таким тоном, будто речь шла о сущем пустяке.

– Это ведь бывший сотрудник КГБ?

Повисла долгая пауза.

– Да, – наконец произнес Ричард, сохраняя невозмутимость, – в прошлом у Ники, возможно, были связи в этом ведомстве.

– Связи? Если я правильно помню, Николай Сакарофф был полковником. А теперь он ваш деловой партнер? – Берил рассмеялась. – Вот уж воистину, с кем только капитализм не поведется в нужде!

Несколько минут они прогуливались в полной тишине. Берил первой нарушила молчание, тихо спросив:

– Вы все еще имеете дело с ЦРУ?

– А разве я упоминал об этом?

– Прийти к подобному заключению нетрудно. А я, между прочим, весьма осторожна и сдержанна. Мне можно без опаски доверять любые тайны.

– И все же я отказываюсь от этого допроса.

Берил с улыбкой взглянула на Ричарда:

– Вы не признаетесь в этом даже под пытками, как я понимаю?

Даже в темноте Берил могла видеть, как его зубы засверкали в усмешке.

– Это зависит от того, как меня будут пытать. Если красивая женщина будет покусывать мое ухо… ну, в этой ситуации я могу признаться в чем угодно.

Кирпичная дорожка закончилась у лабиринта. Они немного постояли, созерцая увитую листьями стену, скрытую в полумраке.

– Давайте войдем внутрь, – предложила Берил.

– Вы знаете выход?

– Посмотрим.

Новая знакомая провела Ричарда через исходную точку лабиринта, и их быстро поглотила извилистая живая изгородь. На самом деле Берил знала здесь каждый поворот, каждый тупик, и она уверенно продвигалась по лабиринту.

– Я нашла бы выход отсюда и с завязанными глазами, – объяснила Берил.

– Вы росли в Четвинде?

– Скорее, мечась между школами-интернатами. Я приехала сюда, чтобы жить с дядей Хью, когда мне было восемь. После того, как мама и папа умерли.

Они быстро пробрались через последнюю щель в живой изгороди и оказались в центре лабиринта. На маленьком пятнышке земли, очищенном от деревьев и

кустов, стояла каменная скамейка. Светила луна, и собеседники могли хотя и слабо, но все-таки видеть лица друг друга.

– Они тоже занимались этой опасной работой, – сказала Берил, медленно прохаживаясь по вытоптанному участку. – Или вы знали об этом?

– Да, я… слышал о ваших родителях.

Сразу уловив в голосе Вулфа осторожные нотки, она спросила себя, почему же он так уклончиво отвечает на ее вопросы. Берил видела, что Ричард стоит у каменной скамейки, положив руки в карманы. «Ах, все эти семейные тайны! – с досадой пронеслось в ее голове. – Я сыта ими по горло! Ну почему никто в этом доме не может сказать правду?»

– Что вы слышали о моих родителях?

– Я знаю, что они умерли в Париже.

– При исполнении служебных обязанностей. Дядя Хью утверждает, что это было секретное задание, и отказывается говорить об этом, так что мы с ним никогда не обсуждаем эту тему.

Берил остановилась на месте и повернулась к собеседнику:

– В эти дни я много думаю о том, что произошло с родителями.

– Почему?

– Потому что это случилось пятнадцатого июля. Завтра исполнится двадцать лет.

Ричард направился к ней, его лицо по-прежнему было скрыто в тени.

– Кто же вас воспитывал? Ваш дядя?

Берил улыбнулась:

– Говорить «воспитывал» было бы преувеличением. Дядя Хью дал нам дом, а потом предоставил достаточно свободы расти так, как заблагорассудится. Полагаю, Джордан весьма в этом преуспел: отправился учиться в университет и все такое… Джорди – самый разумный, самый смышленый в семье.

Ричард придвигался все ближе – он был уже так близко к Берил, что она могла видеть, как его глаза поблескивают в темноте.

– А какая вы?

– Думаю… думаю, я – дикарка.

– Дикарка, – пробормотал Ричард. – Да, кажется, я могу сказать то же самое…

Он дотронулся до лица Берил. Это короткое прикосновение заставило ее кожу вспыхнуть огнем. Берил вдруг осознала, как стремительно бьется сердце, учащается дыхание. «Почему я позволяю это? – удивилась она. – Мне казалось, я дала зарок: никаких романтических историй! Но сейчас этот мужчина, которого я едва знаю, опять втягивает меня в эту игру – игру, в которой я уже потерпела сокрушительное поражение. Это глупо, импульсивно. Это просто безумие! И заставляет меня жаждать большего…»

Губы Ричарда едва коснулись ее уст – это был самый легкий из поцелуев, но из-за привкуса шампанского он казался таким горячим, таким безрассудным… А Берил уже страстно желала еще одного поцелуя, более долгого. Они замерли на мгновение и взглянули друг на друга, паря на самом краю искушения.

Берил сдалась первой. Она потянулась к Ричарду, и вскоре его руки уже обвивались вокруг темноволосой «ведьмы», заманивая ее в ловушку объятий. Берил пылко искала его губы, со всем неистовством страсти умоляя о новом поцелуе.

– Дикарка, – прошептал Ричард, – да определенно ты дикарка!

– И довольно требовательная…

– В этом я и не сомневался.

– А еще со мной очень, очень сложно.

– Этого я не заметил.

Они снова слились в поцелуе. По прерывистому дыханию Ричарда Берил поняла, что он тоже оказался беспомощной жертвой чувственного желания. Внезапно ей захотелось пошутить. Выскользнув из объятий, она с притворной застенчивостью спросила:

– Ну а теперь скажешь?

– Сказать тебе что? – отозвался явно смущенный Ричард.

– На кого ты на самом деле работаешь?

Он немного помедлил, а потом в который раз повторил:

– Фирма «Сакарофф и Вулф». Консультанты по безопасности.

– Неправильный ответ, – отозвалась Берил. Злобно рассмеявшись, она повернулась и понеслась прочь из лабиринта.

* * *

Париж

В двадцать сорок пять, в полном соответствии с привычным распорядком дня, Мари Сен-Пьер похлопывающими движениями нанесла на лицо крем с пчелиной пергой, провела щеткой по жестким седым волосам и скользнула под одеяло. Она щелкнула телевизионным пультом и принялась ждать свой любимый сериал «Династия». Несмотря на то что голоса героев явно продублировали, а место действия было по-американски броским и кричаще ярким, перипетии сюжета мыльной оперы были близки ее сердцу. Любовь и власть. Боль и возмездие.

Да, Мари знала о любви и боли все. Лишь с тем, что касалось возмездия, никак не удавалось справиться. Каждый раз, когда ярость закипала в груди, а старые

фантазии о мести вновь вспыхивали в сознании, она вспоминала о возможных последствиях подобных действий, и все мысли о каре меркли. Нет, Мари слишком сильно любила Филиппа! И они столь многого добились вместе! Путь от министра финансов до премьер-министра был очень коротким – всего одна ступенька по карьерной лестнице…

Ее внимание неожиданно привлекли короткие новости по телевизору – сообщение о лондонском экономическом саммите. Может быть, на экране появится лицо Филиппа? Нет, лишь общий план стола переговоров, за двадцать пять секунд мелькнули две дюжины мужчин в костюмах и при галстуках. И никого, кто бы напоминал Филиппа!

Разочарованно откинувшись на кровати, Мари в сотый раз задалась вопросом: возможно, ей все-таки стоило поехать в Лондон с мужем? Мари ненавидела перелеты, и Филипп предупредил, что поездка будет утомительной. «Лучше оставайся дома, – сказал он ей, – иначе ты просто возненавидишь этот Лондон!»

И все же, быть может, было бы лучше на несколько дней уехать с мужем. Они бы остались вдвоем в номере отеля. Иной пейзаж за окном, другая постель – возможно, смена обстановки пошла бы на пользу их браку, зажгла бы так необходимую их отношениям искру…

Внезапно сознание Мари пронзила ужасная мысль. Столь болезненная, что ее сердце, казалось, скрутило узлом: «Я здесь. А Филипп в Лондоне, один…»

Или все-таки не один?

Вздрогнув, Мари села в кровати, анализируя возможные варианты действий. В сознании замелькали неприятные картинки, и она уже не могла противиться внезапному порыву. Схватив телефон, она набрала номер парижской квартиры Нины Сазерленд.

Гудок следовал за гудком, но никто не отвечал. Мари набрала номер снова, но и на этот раз к телефону никто не подошел. Она в задумчивости уставилась на трубку: «Значит, Нина тоже отправилась в Лондон… И они сейчас вместе, в гостиничном номере Филиппа. Они проводят время вдвоем, пока я жду дома в Париже!»

Мари вскочила с кровати. Любимая «Династия» давным-давно началась, но она уже не обращала на телевизор внимания. Мари спешно одевалась. «Возможно, я тороплюсь с выводами, – пронеслось в ее голове. – Наверное, Нина на самом деле дома, просто не хочет подходить к телефону».

Решено, нужно подъехать к дому Нины в Нейи. Проверить свою догадку, посмотреть на окна ее квартиры, горит ли в них свет. А что, если нет?.. О таком варианте Мари даже думать не хотелось, она упорно гнала от себя эту мучительную мысль.

Полностью одетая, Мари поспешила вниз по лестнице, в темной гостиной на ходу схватила дамскую сумочку и ключи и открыла входную дверь. Как только вечерний воздух коснулся лица, уши тотчас поразил оглушительный рев.

Мощный взрыв сбил Мари с ног, бросив ее вперед, на крыльцо дома. Только вовремя вытянутые руки помогли спастись от сильного удара головой о бетонное покрытие. Мари смутно почувствовала, как сверху на нее летит град осколков стекла, а сзади слабо потрескивает огонь. Ей удалось медленно перекатиться на спину. Теперь она лежала, беспомощно глядя вверх, на языки пламени, вырывавшиеся из окна спальни.

Мари подумала, что этот взрыв предназначался для нее – эта бомба должна была ее убить! Пронзительные звуки сирен приближались, а она все лежала спиной на битом стекле, думая: «Так вот к чему привела моя любовь?..» И смотрела, как сверху горит ее спальня.

Глава 2

Бекингемшир, Англия

Эйфелева башня таяла. Расположившись у буфетной стойки, Джордан наблюдал, как капельки воды с ледяной скульптуры приземляются прямо в стоящее внизу серебряное блюдо с устрицами. «День взятия Бастилии явно затянулся, вот скука! – устало думал он. – Очередной вечер, еще один прием… И все идет по заезженному сценарию».

– Ты уже съел довольно много устриц для одного вечера, Реджи, – раздался сварливый голос. – Или ты забыл о своей подагре?

– У меня ведь не было приступов несколько месяцев!

– Только потому, что я следила за твоей диетой, – веско изрекла Хелена.

– Хотя бы сегодня вечером, дорогая, – отозвался ее супруг, вскрывая щипцами раковину еще одной устрицы, – ты могла бы не обращать на это внимания?

Реджи поднес раковину ко рту и откусил немного мяса. Блаженство разлилось по лицу гурмана, когда скользкий шарик отправился в его горло.

Хелена содрогнулась.

– Это просто отвратительно – есть живых существ! – Она посмотрела на Джордана, заметив его озадаченный взгляд. – Разве ты со мной не согласен?

Джордан дипломатично пожал плечами:

– Это вопрос воспитания, полагаю. В некоторых культурах принято есть термитов. Или свежих угрей. Я даже слышал об обезьянах, их головы бреют, потом животных обездвиживают…

– О, пожалуйста, не продолжай! – простонала Хелена.

Джордан поспешил спастись бегством прежде, чем размолвка супругов переросла в настоящую перебранку. Оказаться между враждующими супругами определенно было небезопасно. Леди Хелена, как подозревал Джордан, обычно брала верх в любом споре – и все благодаря своим деньгам.

Поблуждав по залу, он наткнулся на министра финансов Филиппа Сен-Пьера – и оказался в ловушке, вынужденный выслушивать лекцию по мировой экономике. Филипп решительно заявил, что саммит обернулся провалом. Американцы добиваются торговых уступок, но даже слышать не хотят о финансовой ответственности. И так далее, и тому подобное, и все в таком духе без конца… Джордан вздохнул с облегчением, когда в разговор встряла переливавшаяся

стеклярусом Нина Сазерленд, за которой по пятам тащился ее напоминавший павлина сын Энтони.

– Но американцы не единственные, кому стоит пересмотреть свою позицию, – фыркнула Нина. – Стоит признать, что в эти дни не преуспел никто, даже французы. Или ты не согласен со мной, Филипп?

Сен-Пьер вспыхнул под ее пристальным, прямым взглядом:

– У всех нас есть трудности, Нина…

– И все же у некоторых проблем больше, чем у остальных.

– Речь идет о всемирной рецессии. Нужно просто потерпеть.

Подбородок Нины взметнулся вверх.

– А что, если кто-то не может ждать?

Осушив свой бокал, она резко поставила его на стол:

– Что тогда, Филипп, дорогой?

Беседа неожиданно прекратилась. Джордан заметил, что Хелена с изумлением уставилась на спорщиков, а Филипп с такой силой сжал свой бокал, что суставы его пальцев побелели. «Какого черта здесь происходит? – недоуменно спрашивал себя Джордан. – Какая-то личная вражда?»

Странные натянутые отношения и неловкость красной нитью проходили через весь сегодняшний прием. Быть может, в этом было повинно лившееся рекой шампанское. Реджи, несомненно, позволил себе лишнего. Тучный гость Тэвистоков фланировал между подносом с устрицами и столиком с шампанским. Неверной рукой он брал очередной бокал и подносил к губам. Никто не вел себя подобающим образом этим вечером – даже Берил! Определенно не Берил.

Джордан внимательно следил за сестрой с тех пор, как она снова вошла в зал приемов. Щеки Берил пылали румянцем, ее глаза ярко горели загадочным огнем.

Следом за ней, с таким же раскрасневшимся лицом, шествовал американец, который выглядел довольно смущенным. «Ага, – с понимающей улыбкой подумал Джордан, – немного напроказничали в саду, не так ли? Что ж, это как раз то, что ей нужно. Бедняжка Берил могла бы воспользоваться новым романом, чтобы наконец-то забыть своего хронически неверного хирурга!»

Берил сняла бокал шампанского с подноса, проносимого официантом, и направилась к Джордану.

– Развлекаешься? – бросила она брату.

– Не так сильно, как ты, полагаю. – Он выразительно посмотрел на Ричарда Вулфа, которого только что перехватил для разговора какой-то американский бизнесмен. – Ну что, – прошептал Джордан, – удалось выжать из него признание?

– Увы, ни слова. – Берил улыбнулась поверх своего бокала с шампанским. – Он чрезвычайно скрытен.

– В самом деле?

– Но чуть позже я снова отправлюсь с ним на прогулку. После того, как он немного помучается в ожидании.

Джордан подумал о том, какой же необычайно красивой становится его младшая сестренка в моменты счастья, которые в последнее время выпадали на ее долю довольно редко. В сердце Берил жило слишком много страсти – эта особенность делала дикарку намного более уязвимой, чем она соглашалась признать. Вот уже год минул с тех пор, как Берил выжидала, не заводя новых отношений, полностью отказавшись от любовных игр. Она даже бросила свою благотворительную работу в больнице Святого Луки, которую так горячо любила. А все потому, что для сестры было мучительно то и дело сталкиваться на территории клиники с бывшим возлюбленным.

Но сегодня старые, хорошо знакомые искорки снова плясали в глазах Берил, и Джордану было приятно видеть это. От его внимания не ускользнуло, что они вспыхивали еще ярче, когда Ричард Вулф посматривал на сестру. Ах, эти кокетливые взгляды, метавшиеся туда-сюда! Джордан, казалось, улавливал

потрескивание электрических разрядов, летавших между его сестрой и американцем.

– …Безусловно, это заслуженная награда, но ее присудили поздновато, ты не находишь, Джордан?

Очнувшись от своих мыслей, молодой Тэвисток в замешательстве уставился на раскрасневшееся лицо Реджи Вэйна. Определенно гость выпил гораздо больше, чем следовало бы.

– Простите, – смущенно пробормотал Джордан, – боюсь, я потерял нить разговора.

– Я говорю о Королевской медали для Лео Синклера. Ты ведь помнишь Лео, не так ли? Замечательный парень. Его убили года полтора назад. Или прошло уже два года? – Реджи немного потряс головой, словно пытаясь очистить сознание от алкогольного дурмана. – Так или иначе, они только собираются вручить его вдове медаль. Думаю, это непростительно!

– Не каждый, кто был убит в Персидском заливе, получил медаль, – влезла в разговор Нина Сазерленд.

– Но Лео работал в разведке, – возразил Реджи. – Он заслужил награду, особенно если учесть, как он… умер.

– Возможно, проволочку с медалью можно объяснить всего-навсего оплошностью, – предположил Джордан. – Например, документы затерялись или что-то в этом роде… МИ-6 действительно старается чтить своих погибших сотрудников, и Лео не будет забыт.

– Забыт так же, как мама и папа, – веско произнесла Берил. – Они погибли при исполнении служебных обязанностей. И так и не получили никакой награды.

– При исполнении служебных обязанностей? – переспросил Реджи. – Это не совсем так.

Подняв бокал шампанского нетвердой рукой, Вэйн поднес его к губам. Он вдруг осекся и смолк, осознав, что окружающие пристально смотрят на него. Повисла напряженная тишина, нарушаемая лишь треском устричной раковины на чьей-то тарелке.

– Что вы подразумеваете под этим «не совсем так»? – осведомилась Берил.

Реджи основательно прокашлялся.

– Конечно… Хью должен был рассказать вам. – Реджи оглянулся, и его лицо побледнело. – О нет, – пробормотал он, – на этот раз я ляпнул что-то лишнее.

– Рассказать нам что, Реджи? – упорствовал Джордан.

– Но это ведь знали все, – ответил Вэйн. – Это было во всех парижских газетах…

– Реджи, – медленно, с расстановкой произнес Джордан. – Мы знаем лишь то, что наши отец и мать были застрелены в Париже. Нам известно, что это было убийство. Это неправда?

– Ну да, разумеется, это был убийца, связанный с…

– Убийца? – перебил Джордан. – Так он действовал в одиночку?

Реджи оглянулся, окончательно сбитый с толку.

– Я не единственный из присутствующих, кому известно об этом. Мы все были в Париже, когда это случилось!

На несколько волнительных мгновений снова воцарилась тишина. Нарушила молчание Хелена, тихо добавив:

– Это было очень давно, Джордан. Двадцать лет назад. Едва ли теперь это имеет какое-то значение.

– Это имеет большое значение для нас, – настойчиво отозвался Джордан. – Так что же произошло в Париже?

Хелена вздохнула:

– Я говорила Хью, что ему следует быть честным с вами, вместо того чтобы пытаться похоронить это.

– Похоронить что? – спросила Берил.

Вместо ответа, губы Хелены вытянулись в напряженную ниточку. Сказать правду осмелилась только Нина – эта нагловатая, бестактная Нина, которую никогда не заботили тонкости чужих чувств. Она категорично отрезала:

– Полиция сказала, что это было убийство. За которым последовало самоубийство.

Берил воззрилась на Нину, которая ответила ей прямым взглядом.

– Нет, – прошептала Берил.

Хелена нежно коснулась ее плеча:

– Ты была еще ребенком, Берил! Вы оба были детьми. И Хью не думал, что будет подобающим…

– Нет! – повторила Берил и отпрянула от дружелюбно протянутой Хеленой руки. Она неожиданно повернулась к гостям спиной и понеслась прочь из зала приемов, шелестя синим шелком платья.

– Спасибо. Всем вам, – холодно произнес Джордан. – За вашу столь живительную порцию откровенности.

После этого он тоже отвернулся от гостей и направился к выходу из зала – догонять сестру. Он настиг ее на лестнице:

– Берил?

– Это неправда! – вскричала она. – Не верю ни одному слову!

– Конечно это неправда.

Остановившись на лестнице, Берил взглянула на брата:

– Тогда почему они все говорят это?

– Это лишь омерзительные слухи – что же еще?

– Где дядя Хью?

Джордан покачал головой:

– В зале его нет.

Берил подняла глаза наверх, по направлению ко второму этажу.

– Пойдем, Джорди, – сказала она твердым голосом, в котором ясно звучала решимость. – Мы можем прояснить все прямо сейчас.

И они вместе поднялись по лестнице.

Дядя Хью был в своем кабинете – через закрытую дверь до них доносился настойчивый тон его голоса. Брат и сестра без стука скользнули внутрь и оказались лицом к лицу с хозяином кабинета.

– Дядя Хью? – окликнула Берил.

Резким жестом Тэвисток приказал ей замолчать. Повернувшись к племянникам спиной, он сказал в телефонную трубку:

– Это точно, Клод? Не утечка газа или что-нибудь в этом роде?

– Дядя Хью!

Но Тэвисток упрямо стоял спиной к Берил.

– Да-да, – произнес он в трубку, – я сразу же скажу об этом Филиппу. О боже, сейчас не самое подходящее время, но ты прав, выбора нет. Ему придется вылететь обратно сегодня же вечером.

Явно чем-то потрясенный, Хью повесил трубку и задумчиво уставился на телефон.

– Ты сказал нам правду? – обрушилась на него Берил. – О маме и папе?

Хью обернулся и, нахмурившись, в замешательстве посмотрел на нее:

– Что? О чем ты говоришь?

– Ты сказал нам, что они погибли при исполнении служебных обязанностей, – ответила Берил. – Ты никогда не говорил ни слова о самоубийстве.

– Кто вам это сказал? – резко бросил он.

– Нина Сазерленд. Но Реджи с Хеленой тоже знали об этом. На самом деле, похоже, об этом известно всему миру! Всем, кроме нас!

– Черт бы побрал эту болтливую Сазерленд! – взревел Хью. – Она не имела никакого права!..

Племянники в изумлении воззрились на него. Неторопливо, чеканя каждое слово, Берил произнесла:

– Это – ложь. Не так ли?

Неожиданно Хью кинулся к двери.

– Мы обсудим это позже, – на ходу пообещал он. – Я должен позаботиться об одном деле…

– Дядя Хью! – вскричала Берил. – Ведь это – неправда?

Хью замер на месте, потом медленно обернулся и посмотрел на нее.

– Я никогда не верил в это, – наконец вымолвил он. – Я ни на мгновение не могу себе представить, что Бернард мог причинить ей боль.

– О чем ты говоришь? – изумленный, спросил Джордан. – О том, что папа убил маму?

Молчание дяди было единственным ответом, которого они добивались. На мгновение Хью задержался в дверном проеме и тихо сказал:

– Пожалуйста, Джордан… Мы поговорим об этом позже. После того, как все разъедутся. А теперь мне действительно нужно заняться делом, связанным с телефонным звонком. – И, повернувшись, он вышел из комнаты.

Берил и Джордан взглянули друг на друга, и каждый прочел в глазах другого один и тот же шок осознания.

– О боже, Джорди, – с трудом произнесла Берил, – это может быть правдой.

* * *

Стоявший в другом конце зала приемов Ричард заметил спешный уход Берил и последовавшее секундой спустя столь же стремительное бегство помрачневшего Джордана. «Что, черт возьми, происходит?» – спросил себя Вулф. Он уже направился к выходу из зала вслед за новыми знакомыми, но по пути наткнулся на Хелену, которая с досадой покачивала головой.

– Какое несчастье! – пробормотала она. – Слишком много кровавого шампанского пролилось за сегодняшний вечер.

– Что случилось?

– Они только что услышали правду. О Бернарде и Мэдлин.

– Кто им рассказал?

– Нина. Но на самом деле это была ошибка Реджи. Он так напился, совершенно не понимал, что несет!

Ричард бросил взгляд на дверной проем, в недрах которого только что исчез Джордан.

– Мне стоит поговорить с ними, рассказать всю историю.

– Полагаю, это обязанность их дяди. Вы согласны? Именно он ограждал их от правды на протяжении всех этих лет. Так позвольте ему все объяснить.

Немного подумав, Ричард кивнул:

– Вы правы. Конечно, вы правы. А мне, наверное, стоит пойти и задушить Нину Сазерленд.

– Задушите лучше моего мужа, если уж собрались. Разрешаю сделать это.

Ричард повернулся и увидел Хью Тэвистока, входящего в зал приемов.

– И что теперь? – пробормотал он, когда хозяин дома в мгновение ока оказался рядом с ними.

– Где Филипп? – резко спросил Хью.

– Кажется, он вышел в сад, – ответила Хелена. – Произошло что-то неприятное?

– Этот окаянный вечер обернулся настоящим бедствием, – тихо произнес Хью. – Мне только что звонили из Парижа. В квартире Филиппа взорвалась бомба.

Ричард и Хелена в ужасе взглянули на него.

– О боже, – прошептала Хелена. – Там Мари…

– С ней все в порядке. Несколько незначительных ушибов, но ничего серьезного. Сейчас она в больнице.

– Покушение на убийство по политическим мотивам? – с сомнением заметил Ричард.

Хью кивнул:

– Похоже на то.

* * *

Было уже далеко за полночь, когда Джордан и дядя Хью наконец-то нашли Берил. Она сидела в старой комнате Мэдлин, сгорбившись над большим квадратным чемоданом матери. Чемодан был открыт, по кровати и полу разбросаны вещи Мэдлин: летние платья из шелка, шляпы с цветочным рисунком, украшенная блестящими бусинками вечерняя дамская сумочка.

Были там и прочие милые сердцу глупости: ветка морского коралла, кусок горного хрусталя, фарфоровая лягушка – штуковины, значение которых было известно лишь Мэдлин. Берил вытащила все эти вещицы из чемодана и теперь сидела, окруженная ими, пытаясь с помощью этих неодушевленных предметов впитать теплоту и дух, которые только и остались от Мэдлин Тэвисток.

Дядя Хью вошел в спальню и опустился на стул рядом с племянницей.

– Берил, – нежно сказал он, – пришло время… Я должен наконец-то сказать тебе правду.

– Время для правды было много лет назад, – отозвалась она, не отрывая глаз от фарфоровой лягушки в своей руке.

– Но вы оба были еще такими маленькими! Тебе было всего восемь, Джордану – десять. Вы не смогли бы понять…

– Мы бы имели дело с фактами! Но вместо этого ты скрыл их от нас!

– Факты были слишком болезненными. Французская полиция пришла к выводу…

– Папа никогда, никогда не причинил бы ей зла! – бросила Берил и так свирепо взглянула на дядю, что тот отпрянул в изумлении. – Разве ты не помнишь, что они и дня не могли прожить друг без друга, дядя Хью? Как сильно они любили? Зато я отлично помню!

– И я тоже, – подхватил Джордан.

Дядя Хью снял очки и устало потер глаза.

– Правда, – решился он, – еще хуже, чем вы можете себе представить.

Берил недоверчиво взглянула на него:

– Что может быть хуже убийства и сведения счетов с жизнью?

– Возможно… возможно, вам стоит самим просмотреть досье. – Он поднялся со стула. – Дело наверху. В моем кабинете.

Берил и Джордан отправились вместе с дядей на третий этаж – в комнату, которую они посещали довольно редко и которую Хью всегда держал запертой. Он открыл дверь кабинета и вытащил из ящика стола папку. На деле, помеченном грифом секретности МИ-6, стояло: «Тэвисток, Бернард и Мэдлин».

– Полагаю, я… я надеялся защитить вас от этого, – объяснил Хью. – Это правда, в которую я лично отказываюсь верить. В Бернарде не было ни капли коварства, ни намека на возможное предательство. Но улики свидетельствуют об обратном. И я не знаю, как еще можно объяснить эти факты.

Хью протянул дело Берил. Не говоря ни слова, она открыла папку. Вместе с Джорданом они пролистали содержимое: внутри были копии отчетов

французской полиции, включая свидетельские показания и фотографии с места убийства. Выводы следствия соответствовали тому, что рассказала им Нина Сазерленд: Бернард трижды выстрелил в жену в упор, после чего приставил пистолет к своей голове и спустил курок.

Фотографии с места происшествия были слишком страшными, чтобы на них останавливаться. Берил быстро пролистала кошмарные странички и в изумлении воззрилась на еще один протокол, составленный французской разведкой. Не веря собственным глазам, она снова и снова перечитывала изложенные факты.

– Это невозможно, – наконец произнесла она.

– Это то, что они обнаружили – портфель с документами под секретным грифом НАТО. Сведения об оружии союзников. Это нашли в той самой мансарде, где были их тела. Документы оказались у Бернарда в момент смерти – речь идет об информации, которая не должна была покидать стен посольства.

– А откуда ты знаешь, что именно он их взял?

– У него был доступ, Берил. Бернард был нашим связным в НАТО. За несколько месяцев до этого происшествия документы союзников попали в руки восточных немцев, сведения передал некто под кодовым именем Делфи. Мы знали, что в наших рядах завелся «крот», но не могли установить его личность – до тех пор, пока эти важные бумаги не были найдены рядом с телом Бернарда.

– И ты думаешь, что папа и был этим Делфи, – сказал Джордан.

– Нет, к таким выводам пришла французская разведка. Я не мог в это поверить, но одновременно не мог спорить с фактами.

Берил и Джордан ненадолго смолкли, приведенные в смятение весомостью доказательств.

– Ты действительно не веришь в это, дядя Хью? – тихо спросила Берил. – В то, что папа был тем предателем?

– Я не мог спорить с полученными данными. И эти улики четко объясняют гибель ваших родителей. Возможно, они знали, что находятся на краю, что их вот-вот раскроют. Тогда на их головы лег бы несмываемый позор. Так что Бернард нашел джентльменский выход из положения. Он мог бы так поступить, вы ведь знаете. Предпочел бы смерть бесчестию.

Дядя Хью откинулся на стуле и устало провел пальцами по своим седым волосам.

– Я сделал все, что было в моих силах, чтобы этот отчет не предали огласке, – сказал он. – Поиски Делфи были прекращены. А меня ждали несколько неприятных лет в МИ-6: дескать, брат предателя и все в таком духе, можем ли мы ему доверять, и так далее… Но потом все забылось. И моя карьера продолжилась – думаю, это стало возможным потому, что никто в МИ-6 не мог по-настоящему поверить результатам расследования. Поверить в то, что Бернард мог переметнуться на сторону наших недругов.

– Я тоже в это не верю, – отозвалась Берил.

Дядя Хью пристально посмотрел на нее:

– И все же…

– Я отказываюсь верить в это! Дело явно сфабриковано. Кому-то в МИ-6 выгодно скрывать правду…

– Не говори чепуху, Берил!

– Мама и папа уже не могут защитить себя от этой фальсификации! Кто еще будет отстаивать их доброе имя?

– Твоя преданность похвальна, дорогая, но…

– А где твоя преданность? – резко парировала Берил. – Он был твоим братом!

– Я не хотел в это верить.

– Тогда почему подтвердил выводы следствия? Ты хоть обсуждал это с французской разведкой?

– Да, и у меня не было оснований усомниться в правдивости отчета Домье. Он – человек основательный, въедливый.

– Домье? – переспросил Джордан. – Клод Домье? Не он ли был шефом их парижской операции?

– В то время он был связным ваших родителей в МИ-6. Я попросил его проверить полученные сведения. Он пришел к тем же самым выводам, что и следствие.

– Тогда этот тип Домье – полный идиот, – бросила Берил, направившись к двери. – И я собираюсь сказать ему об этом лично.

– Куда ты? – всполошился Джордан.

– Собирать вещи, – ответила она. – Ты едешь, Джордан?

– Собирать вещи? – озадаченно повторил Хью. – Куда, черт побери, ты решила ехать?

– Куда же еще, – бросила Берил через плечо, – как не в Париж?

* * *

Телефонный звонок разбудил Ричарда Вулфа в шесть часов утра.

– Они забронировали билеты на полуденный рейс в Париж, – сообщил Клод Домье. – Похоже, друг мой, кто-то разворошил это отвратительное змеиное гнездо.

Еще не до конца проснувшийся Ричард резко сел на кровати и тряхнул головой.

– О чем ты говоришь, Клод? Кто летит в Париж?

– Берил и Джордан Тэвисток. Хью только что звонил мне. Думаю, это не самое лучшее развитие ситуации.

Ричард рухнул обратно на подушку.

– Они ведь уже взрослые, Клод, – сказал он, зевая. – Если они хотят лететь в Париж…

– Они прилетают, чтобы разузнать поподробнее о Бернарде и Мэдлин.

Ричард закрыл глаза и простонал:

– О, замечательно, только этого нам и не хватало!

– Вот и я о том же.

– А Хью не может отговорить их от этого?

– Он пытался. Но эта его племянница… – Домье вздохнул. – Ты ведь встречал ее. Так что можешь себе представить…

Да, Ричард совершенно точно знал, какой упрямой может быть мисс Берил Тэвисток. Что ж, какова мать, такова и дочь. Он отлично помнил, какой была Мэдлин – столь же непреклонной, столь же неудержимой. Столь же очаровательной…

Ричард стряхнул с себя все эти навязчивые воспоминания о давно умершей женщине и осведомился:

– Как много они знают?

– Они видели мой отчет. Они знают о Делфи.

– Значит, в поисках новой информации они будут копать во всех правильных местах.

– Во всех опасных местах, – поправил Домье.

Ричард сел на кровати и задумчиво запустил пальцы в волосы, обдумывая различные сценарии дальнейшего развития событий. Взвешивая все возможные риски.

– Хью беспокоится по поводу их безопасности, – заметил Домье. – И я тоже. Если то, о чем мы думаем, верно…

– Тогда они попадут в такую трясину, что и подумать страшно!

– Не говоря уже о том, что в Париже довольно опасно, – подхватил Домье. – Это подтверждает недавняя история с бомбой.

– Кстати, как себя чувствует Мари Сен-Пьер?

– Несколько царапин, ушибы. Ее должны выписать из больницы завтра.

– Взрывотехники уже представили доклад?

– По их данным, это «семтекс», пластичная взрывчатка. Квартира сверху была полностью уничтожена. По счастливой случайности Мари как раз спустилась вниз незадолго до того, как бомба сработала.

– Кто-нибудь взял на себя ответственность за покушение?

– Вскоре после взрыва раздался телефонный звонок. Какой-то мужчина сообщил, что он принадлежит к некоей группировке под названием «Мировая солидарность». Они взяли на себя ответственность за произошедшее.

– «Мировая солидарность»? Никогда ни о чем подобном не слышал.

– Мы тоже, – заметил Домье. – Но ты же знаешь, как это бывает в наше время…

Увы, Ричард знал это слишком хорошо. Любой псих, обладающий нужными связями, мог купить несколько унций «семтекса», изготовить взрывчатку и

присоединиться к революции – не важно какой. Неудивительно, что бизнес Вулфа развивался так быстро. В этом новом опасном мире терроризм стал правдой жизни. И клиенты отовсюду готовы были раскошелиться ради собственной безопасности.

– Так что, друг мой, ты сам понимаешь, – сказал Домье, – что дети Бернарда выбрали не самое лучшее время для визита в Париж. А если представить, ответы на какие вопросы они собираются искать…

– Разве ты не можешь присмотреть за ними?

– А с какой стати они должны мне доверять? Это ведь именно мой рапорт находится в деле их родителей. Нет, здесь им нужен иной друг, Ричард. Кто-то с острым, внимательным глазом и тонкой интуицией.

– Ты имеешь в виду кого-то конкретно?

– Птичка на хвосте принесла, что между тобой и мисс Тэвисток возникла определенная… симпатия.

– Эта женщина мне не по зубам, да и не по карману. А я слишком беден для нее.

– Я ведь обычно не прошу тебя об одолжениях, – тихо напомнил Домье. – Да и Хью тоже.

«И вы оба просите меня об одолжении теперь», – подумал Ричард и со вздохом произнес:

– Ну как я могу отказаться?

Повесив трубку, Ричард ненадолго застыл на месте, обдумывая поставленную задачу. По сути, ему предстояло на время превратиться в няньку – подобные задания он просто презирал! Но мысли о том, что он снова увидит Берил Тэвисток, и воспоминания о поцелуе, которым они обменялись в саду, было достаточно, чтобы озарить его лицо широкой улыбкой предвкушения. «Она мне не по зубам, – пронеслось в голове Ричарда. – Так и есть, но разве не может мужчина хоть немного помечтать? К тому же я просто обязан помочь – в память

о Бернарде и Мэдлин».

Даже спустя все эти годы мысли об их смерти неотступно преследовали Ричарда. Должно быть, пришло время покончить с этой тайной, ответить на все вопросы, заданные Вулфом и Домье еще двадцать лет назад… Те же самые вопросы, которые так твердо пресекались МИ-6 и ЦРУ.

Теперь еще и Берил Тэвисток сунула в это грязное и опасное месиво свой аристократический нос. «Самый прекрасный нос на свете!» – невольно подумалось Ричарду. Оставалось только надеяться, что любопытство ее не погубит.

Вулф поднялся с кровати и отправился в душ. Так много нужно успеть сделать, сколько еще приготовлений ждет его перед тем, как поехать в аэропорт… Быть чьей-то нянькой – как же он ненавидел подобные просьбы! Но, по крайней мере, эта работенка будет в Париже.

* * *

Энтони Сазерленд пристально смотрел в стекло иллюминатора, страстно желая, чтобы этот полет наконец-то закончился. Вот незадача, и как только угораздило забронировать билеты на тот же самый рейс «Эйр Франс», что и Вэйны! И вдобавок к этому оказаться сидящим прямо напротив них, разделенным лишь проходом в салоне первого класса – по правде сказать, это было просто невыносимо!

Энтони считал Реджи Вэйна визгливым занудой, особенно в моменты опьянения, а сейчас он как раз был на пути к этому состоянию. Два коктейля «Виски сауэр» – и этот солидный господин принялся лепетать что-то о том, как он скучает по старой доброй Англии, где пища вареная, какой ей и следует быть, а не жаренная на этом отвратительном масле, где люди умеют спокойно стоять в очередях, где от толпы не исходит неприятный запах чеснока и лука…

Реджи слишком долго жил в Париже – возможно, пришло время оставить свой пост в банке и вернуться домой? В конце концов, он возглавлял парижское отделение Банка Лондона долгие годы. И теперь, когда так много молодых смышленых вице-президентов, готовых сесть в его кресло, не пора ли позволить

им сделать это?

Леди Хелена, которая, казалось, как и Энтони, была сыта по горло нытьем супруга, просто приказала:

– Заткнись, Реджи! – и заказала ему третью порцию крепкого коктейля.

Энтони не питал теплых чувств и к Хелене. Она напоминала ему отвратительного грызуна – какой контраст с его матерью! Сейчас эти две женщины сидели друг против друга, разделенные лишь проходом: Хелена, неприметная и строгая, в юбке и пиджаке в мелкую ломаную клетку, и Нина, яркая, притягивающая взоры, в ослепительно-белом брючном костюме из шелка. Бесспорно, только поистине уверенная в себе женщина могла носить белый шелк, и мать Энтони имела на это полное право. Даже в свои пятьдесят три Нина выглядела сногсшибательно: ее темные, зачесанные наверх волосы почти не тронула седина, а фигуре могла позавидовать любая двадцатилетняя девушка. «Но, разумеется, – подумал Энтони, – прежде всего она – моя мать». И, как обычно, Нина не смогла упустить момент поддеть Хелену.

– Если вы с Реджи так ненавидите все в Париже, – фыркнула она, – почему же остаетесь там? Мне кажется, что люди, которые не обожают этот город, просто не заслуживают права жить в нем.

– А ты, конечно, в восторге от Парижа, – отозвалась Хелена.

– Все зависит от отношения к этому вопросу. Если бы вы не были столь предвзяты…

– О нет, мы слишком скучные и необъективные, – пробормотала Хелена.

– Я этого не говорила. Но есть определенная точка зрения британцев. Дескать, Бог – англичанин, и все такое…

– А ты считаешь, что это не так? – весело осведомился Реджи.

Но Хелене было не до смеха.

– Я лишь думаю, – изрекла она, – что определенное количество порядка и дисциплины необходимо миру, чтобы функционировать должным образом.

Нина красноречиво взглянула на Реджи, который с шумом прихлебывал виски:

– Да, как я посмотрю, вы оба верите в дисциплину. Неудивительно, что вечер обернулся таким бедствием.

– Правду выболтали не мы, – резко бросила Хелена.

– По крайней мере, я была достаточно трезва, чтобы отдавать отчет в своих словах! – парировала Нина. – Они в любом случае все бы узнали. После того как Реджи разболтал секрет, я всего-навсего решила, что настало время честно рассказать им о Бернарде и Мэдлин.

– И посмотри, к чему это привело! – простонала Хелена. – Хью сказал, что Берил и Джордан летят в Париж сегодня днем. Теперь они будут копаться в этом грязном белье.

Нина равнодушно пожала плечами:

– Ну, это ведь было давным-давно.

– Не понимаю, почему ты настолько беспечна. Если кто-то и может пострадать, так это ты, – проворчала Хелена.

Нина нахмурилась и посмотрела на нее:

– Что ты имеешь в виду?

– О, ничего.

– Нет, в самом деле! Что ты имеешь в виду, говоря это?

– Ничего, – резко отозвалась Хелена.

Беседа стала принимать нежелательное направление, превратившись в обмен грубостями. Но Энтони едва ли мог сказать, что его мать вышла из себя. Напротив, Нина сидела спокойно, ее руки были сложены на коленях. Она даже заказала второй бокал мартини. Когда мать поднялась с кресла и направилась вниз по проходу, чтобы немного размяться, Энтони пошел следом. Они уединились в хвостовой части самолета.

– Ты в порядке, мама? – спросил Энтони.

Нина бросила тревожный взгляд в сторону первого класса.

– Это все проклятый промах Реджи, – прошептала она. – И, знаешь ли, Хелена права. Я – единственная, кто действительно может пострадать.

– Но ведь прошло так много лет?

– Они снова будут задавать вопросы. Копаться в этом деле. Боже праведный, а что, если эти надоедливые дети Тэвистоков что-то узнают?

– Они не узнают, – тихо, со странным спокойствием произнес Энтони.

Мать и сын понимающе посмотрели друг на друга. В этом взгляде каждый увидел, прочитал по глазам другого то мучение, которое доставляли им оковы двадцатилетней давности. «Ты и я – против остального мира», – обычно пела Нина в уши сыну. Именно так это и ощущалось: они вместе, только вдвоем, в своей парижской квартире. Конечно, иногда там появлялись ее любовники, но эти мужчины ничего не значили, они едва ли стоили хоть капли внимания. Любовь матери и сына – ну что еще могло быть сильнее?

– Тебе совершенно не о чем волноваться, дорогая мамочка, – заметил Энтони. – На самом деле не о чем.

– Но Тэвистоки…

– Они не причинят беспокойства. – Взяв руку матери, он сжал ее обнадеживающим жестом. – Я гарантирую.

Глава 3

Из окна своего сьюта в парижском отеле «Риц» Берил смотрела вниз, на роскошь Вандомской площади с ее коринфскими пилястрами и широкими аркадами. Перед взором мисс Тэвисток проплывал вечерний парад богатых туристов. Прошло восемь лет с тех пор, как Берил в последний раз была в Париже: помнится, тогда они с подружками развлеклись от души – три сумасбродки-однокурсницы предпочли бистро Левого берега и разудалую ночную жизнь Монпарнаса этому воплощенному изобилию и шику.

Тогда они великолепно проводили время, выпивая несметное количество бутылок вина, танцуя прямо на улицах и флиртуя с каждым смотревшим в их сторону французом – а было их, надо сказать, немало.

Казалось, будто это было миллион лет назад. Другая жизнь, другое время…

Теперь, стоя у окна гостиничного номера, Берил оплакивала потерю тех беззаботных дней и четко осознавала, что они никогда больше не вернутся. «Я слишком сильно изменилась, – думала она. – И это ощущение связано не только с тем, что тайна мамы и папы открылась. Дело во мне самой. Я чувствую какое-то необъяснимое волнение. Очень хочется… не знаю чего. Возможно, цели? Я так долго шла по жизни, не имея конкретной цели…»

Берил услышала характерный щелчок, и в следующее мгновение из двери, соединяющей ее номер с соседним сьютом, появился брат.

– Клод Домье наконец-то перезвонил мне, – сказал Джордан. – Он занят расследованием взрыва, но согласился встретиться с нами за ранним ужином.

– Когда?

– Через полчаса.

Берил отвернулась от окна и посмотрела на брата. Они почти не спали прошлой ночью, и это безошибочно читалось по его лицу. Несмотря на то что Джордан был гладко выбрит и безупречно одет, в его облике сквозила сильная усталость,

а его слабый, измученный взгляд выдавал человека, который держится на ногах только благодаря резервным силам организма. «Как и я», – подумалось Берил.

– Я готова ехать в любое время, – отозвалась она.

Нахмурившись, Джордан оглядел платье сестры:

– Разве это… не мамино?

– Да. Я положила в чемодан несколько ее вещей. Признаться, даже не знаю, зачем это сделала. – Она задумчиво посмотрела на муаровую юбку. – Эта одежда идеально на мне сидит, в этом есть что-то сверхъестественное, не так ли? Будто все это сшито специально для меня.

– Берил, ты уверена, что готова ко всему этому?

– Почему ты спрашиваешь?

– Все дело в том… – Джордан обеспокоенно покачал головой, – в том, что ты кажешься не похожей на себя.

– Мы оба так выглядим, Джорди. Да и как может быть иначе?

Берил снова выглянула из окна, заметив удлиняющиеся тени на Вандомской площади. Тем же самым видом любовалась, должно быть, ее мать, когда бывала в Париже. Она останавливалась в том же отеле, возможно, как раз в этом номере. «На мне даже надето ее платье», – подумала Берил.

– Мы оба это чувствуем… Словно не знаем, кто мы есть на самом деле, откуда взялись… – сказала она.

– Но я никогда не сомневался по поводу того, кто ты и кто я, Берил. И независимо от того, что мы узнаем о родителях, мы не изменимся.

Помолчав, Берил взглянула на брата:

– Так ты думаешь, что это может оказаться правдой?

Джордан немного помедлил.

– Я не знаю, – ответил он, – но готовлю себя к самому худшему. Да и тебе следует настраиваться так же.

Джордан зашел в гардеробную и взял оттуда ее накидку:

– Пора идти. Настало время столкнуться лицом к лицу с фактами, сестренка. Независимо от того, какими они могут оказаться.

В семь часов вечера Джордан и Берил прибыли в ресторан «Маленький цирк», где Домье назначил им встречу. Было еще довольно рано для парижского времени ужина – в зале была всего лишь одна пара. Тэвистоки заняли отдельную кабинку вдали от входа и, чтобы утолить голод, заказали вино, хлеб и салат из корня сельдерея под соусом ремулад на основе горчицы. Одинокая пара закончила поздний обед и покинула ресторан; назначенное время встречи прошло, а Домье все не было. Неужели он передумал и отказался от разговора?

Лишь в семь двадцать дверь заведения распахнулась, и в ресторан вошел элегантный маленький француз в костюме и при галстуке. Благодаря седеющим вискам и солидному портфелю его можно было принять за прославленного банкира или адвоката. Но в то мгновение, когда пристальный, цепкий взгляд незнакомца скользнул по Берил, она уже знала, что это и есть Клод Домье. Подтверждая ее догадку, француз учтиво поклонился.

Но Домье пришел не один. Он бросил взгляд через плечо, когда дверь открылась снова и в ресторан вошел еще один мужчина. Они вместе подошли к кабинке, в которой сидели Тэвистоки. Берил в волнении напряглась всем телом, когда осознала, что во все глаза смотрит не на Домье, а на его спутника.

– Добрый вечер, Ричард, – тихо произнесла она. – Я и понятия не имела, что ты собирался в Париж.

– Я тоже, – ответил Вулф. – До сегодняшнего утра.

Присутствующие поприветствовали друг друга, обменялись рукопожатиями. После того как с формальностями было покончено, двое мужчин скользнули в кабинку. Ричард уселся напротив мисс Тэвисток. Они встретились взглядами, и Берил почувствовала, как прежние искры начинают разгораться между ними, а память о страстном поцелуе будоражит сознание.

«Берил, ты идиотка, – раздраженно подумала она, – ты позволяешь ему отвлекать себя, уводить от главного. Смущать. Ни один мужчина не вправе влиять на тебя подобным образом – и, уж конечно, не мужчина, с которым ты целовалась всего один раз в своей жизни. Не тот, кого ты встретила всего двадцать четыре часа назад».

И все же Берил никак не могла выкинуть из головы воспоминания о тех сладостных моментах в саду Четвинда. Как не могла забыть и вкус губ Ричарда. Она неотрывно следила за тем, как он налил себе бокал вина, как поднял его и сделал глоток. Их глаза снова встретились, на сей раз над мерцающей рубиновой жидкостью. Берил облизнула губы, смакуя послевкусие бургундского.

– Итак, что же привело тебя в Париж? – спросила она, поднимая бокал.

– Собственно говоря, Клод. – Он кивнул в сторону Домье.

Заметив вопросительный взгляд Берил, тот поспешил объяснить:

– Когда я услышал, что мой старый друг Ричард оказался совсем рядом, в Лондоне, я подумал: а почему бы не проконсультироваться с ним? Ведь он – настоящий авторитет в интересующем меня вопросе.

– Речь идет о взрыве в квартире Сен-Пьера, – подхватил Ричард. – Некая группировка, о которой никто никогда не слышал, взяла на себя ответственность за покушение. Клод, должно быть, подумал, что я смогу пролить свет на личность организаторов взрыва. На протяжении многих лет я отслеживаю все сообщения о террористических организациях.

– И как, удалось пролить свет? – осведомился Джордан.

– Боюсь, нет, – признал Вулф. – Мне не удалось обнаружить в своем компьютере ни одного упоминания о некоей «Мировой солидарности».

Ричард сделал еще один глоток вина, и его внимательный взор вновь встретился с взглядом Берил.

– Но поездка не обернулась пустой тратой времени, – добавил он, – ведь я узнал, что вы тоже находитесь в Париже.

– Нас привели сюда исключительно дела, – заметила Берил. – К сожалению, у нас нет времени на развлечения.

– Неужели вообще нет?

– Ни минутки свободной, – решительно отрезала она и подчеркнуто переключила свое внимание на Домье: – Мой дядя звонил вам, не так ли? Говорил, зачем мы приехали сюда?

Француз кивнул:

– Как я понимаю, вы оба прочитали досье.

– От корки до корки, – сказал Джордан.

– Тогда вы изучили все доказательства. Я лично подтвердил правоту свидетельских показаний, сведений следователя…

– Возможно, он неверно истолковал факты, – заявил Джордан.

– Я своими глазами видел их тела в мансарде. И вряд ли когда-нибудь это забуду. – Домье ненадолго замолчал, словно освежая в памяти ужасные воспоминания. – Ваша мать погибла в результате трех огнестрельных ранений в области груди. Рядом с ней лежал Бернард, в его голове была одна-единственная пуля. На пистолете остались отпечатки его пальцев. Ни очевидцев произошедшего, ни других подозреваемых не было.

Домье решительно тряхнул головой:

– Улики говорят сами за себя.

– Но где же мотив? – осведомилась Берил. – Почему он убил ту, которую любил?

– Возможно, это и есть мотив, – ответил Домье. – Любовь. Или потеря любви. Она, вероятно, нашла кого-то еще…

– Это невозможно! – яростно возразила Берил. – Она любила его.

Домье отвел глаза, уставившись в свой бокал. Затем тихо произнес:

– Вы еще не читали протокол допроса полицией домовладельца, месье Ридо?

Берил и Джордан в замешательстве взглянули на него.

– Ридо? Не помню, чтобы в деле был подобный протокол, – сказал Джордан.

– Его нет только потому, что я предпочел исключить этот документ, когда отправлял дело Хью. Это был вопрос… оставленный на мое усмотрение.

«Оставленный на усмотрение…» – про себя повторила Берил. – Это означает, что он пытался скрыть какой-то неудобный, вызывающий смущение факт».

– Квартира в мансарде, в которой были найдены их тела, была сдана в аренду мадемуазель Скарлатти, – объяснил Домье. – По словам домовладельца, Ридо, эта Скарлатти пользовалась квартирой всего пару раз в неделю. И только ради…

Домье деликатно смолк, подбирая нужные слова.

– Встреч с любовником? – напрямик спросил Джордан.

Домье кивнул:

– После убийства хозяина дома попросили опознать тела. Ридо сказал полиции, что женщина, которую он знал как мадемуазель Скарлатти, и была найдена

мертвой в мансарде. Это была ваша мать.

Потрясенная, Берил во все глаза смотрела на него.

– Вы хотите сказать, что моя мать встречалась там с любовником?

– Так утверждал домовладелец.

– Тогда мы должны лично поговорить с этим домовладельцем.

– Это невозможно, – сказал Домье. – Здание было несколько раз перепродано. А месье Ридо покинул страну. Я не знаю, где он сейчас.

Берил и Джордан сидели в оглушающей тишине. «Так вот каково предположение Домье! – думала Берил. – Этот француз считает, что у моей матери был любовник. Пару раз в неделю она встречалась с ним в этой мансардной квартире на улице Мира. А потом отец все узнал. Именно поэтому он ее и убил. А потом свел счеты с жизнью».

Взглянув на Ричарда, Берил заметила проблеск сочувствия в его глазах. «Он тоже в это верит!» – с укоризной подумала она. Неожиданно Берил почувствовала негодование: да как этот Вулф вообще смеет присутствовать здесь, слушать самую постыдную тайну ее семьи!

До слуха присутствующих донесся слабый звуковой сигнал. Домье запустил руку внутрь пиджака и, нахмурившись, посмотрел на телефон.

– Боюсь, я должен идти, – сказал он.

– А что насчет секретных документов? – спросил Джордан. – Вы ни слова не сказали о Делфи.

– Мы поговорим об этом позже. Этот взрыв, вы понимаете, – сложилась кризисная ситуация. – Домье выскользнул из кабинки ресторана и взял свой портфель. – Может быть, встретимся завтра? Между тем советую от души насладиться своим пребыванием в Париже – всем вам. Да, и если вы собираетесь здесь ужинать, рекомендую попробовать утку. Тут ее готовят изумительно!

Отвесив прощальный поклон, Домье повернулся и поспешно направился к выходу.

– Мы получили лишь блистательные отговорки, – пробормотал разочарованный Джордан. – Он шокирует нас своими домыслами, потом, отговорившись срочными делами, уносится прочь, избегая отвечать на наши вопросы.

– Думаю, именно таким и был его план с самого начала, – сказала Берил. – Сказать нам нечто столь же ужасное, в надежде на то, что мы побоимся продолжить наше расследование. И перестанем задавать неудобные вопросы.

Она взглянула на Ричарда:

– Я права?

Он без колебаний ответил на пристальный взгляд Берил:

– Почему ты спрашиваешь об этом меня?

– Потому что очевидно: вы двое хорошо знаете друг друга. Домье всегда использует подобные методы в своей работе?

– Клод не из тех, кто будет выбалтывать тайны. Но он всегда готов выручить старых друзей, а ваш дядя Хью – его хороший приятель. Убежден, Клод действовал из лучших побуждений и в ваших интересах.

«Старые друзья, ну конечно!» – с издевкой подумала Берил. Домье, дядя Хью и Ричард Вулф – все они были связаны каким-то прошлым. Туманным прошлым, о котором предпочитали молчать. Берил чувствовала это еще в те времена, когда росла в Четвинде. В имение нередко заглядывали таинственные мужчины в лимузинах, навещавшие Хью. Иногда до Берил доносились обрывки разговоров, произносимые шепотом имена, о значении которых она могла только догадываться. Юрченко. Андропов. Багдад. Берлин. Берил давным-давно усвоила, что не стоит задавать лишних вопросов и ждать откровенных ответов. «Не стоит забивать этим свою прелестную головку», – только и сказал бы ей дядя Хью.

Но на сей раз Берил не могла отложить свои вопросы. Теперь ей позарез нужны были ответы.

Официант подошел к столику и протянул меню. Берил покачала головой.

– Мы не останемся, – отрезала она.

– Вы не хотите поужинать? – поинтересовался Ричард. – Клод говорит, что это превосходный ресторан.

– Это Клод попросил, чтобы ты тут нарисовался? – в лоб спросила Берил. – Откармливал нас и развлекал до потери пульса, чтобы мы не создавали ему хлопот?

– Я получил бы большое удовольствие, откармливая вас. И, если бы вы пожелали, с радостью развлек. – Ричард улыбнулся Берил, и в этой улыбке мелькнула озорная искорка. Взглянув в его глаза, она вдруг осознала, что балансирует на грани искушения. «Поужинай со мной, – читалось в улыбке Вулфа. – А потом – кто знает? Возможно все…»

Берил медленно откинулась на спинку стула в кабинке:

– Мы поужинаем с тобой, но при одном условии.

– Каком же?

– Ты играешь с нами честно, в открытую. Никаких уловок, никаких хитростей.

– Я постараюсь.

– Зачем ты приехал в Париж?

– Клод попросил меня проконсультировать его. В качестве личного одолжения. Экономический саммит закончился, так что график позволяет мне выкроить время. К тому же мне было любопытно.

– Выяснить насчет взрыва?

Ричард кивнул:

– «Мировая солидарность» – раньше я никогда не слышал о подобной организации. Я пытаюсь отслеживать появление новых террористических группировок. Это мой бизнес. – Он протянул меню Берил и снова улыбнулся. – И это, мисс Тэвисток, чистейшая правда.

Встретившись с Ричардом взглядом, Берил не заметила в его глазах ни малейшей вспышки хитрости, желания увильнуть от ответа. И все же интуиция подсказывала ей, что за этой улыбкой крылось нечто большее, нечто невысказанное…

– Ты не веришь мне, – констатировал он.

– Как ты догадался?

– Это значит, что вы с братом не поужинаете со мной?

До этого момента Джордан сидел тихо, внимательно следя за сестрой и американцем, наблюдая за их словесным пинг-понгом. Теперь он нетерпеливо вмешался в разговор:

– Мы обязательно поужинаем. Я так голоден, Берил, что не двинусь с места, пока что-нибудь не съем.

Берил вздохнула, выражая согласие уступить, и взяла меню:

– Полагаю, ответ понятен. Желудок Джорди сказал все сам.

* * *

Телефон Амьеля Фоша зазвонил точно в семь пятнадцать.

– У меня для вас новое задание, – раздался голос на том конце провода. – Это вопрос, не терпящий отлагательств. Может быть, хоть на этот раз вы справитесь с поставленной задачей.

Критическое замечание уязвляло самолюбие, и Амьель Фош, имевший двадцатипятилетний опыт работы в своем деле, едва удержался, чтобы не броситься резко возражать. Но звонивший щедро ему платил – выходит, мог себе позволить швыряться оскорблениями. Что ж, видимо, не зря Фош все чаще задумывался о том, чтобы отойти от дел. Его услуги требовались все реже, да и этих нечастых заказов приходилось ждать подолгу. В конце концов, рефлексы ведь с возрастом лучше не становятся.

Спокойно, стараясь держать эмоции под контролем, Фош ответил:

– Я установил механизм в соответствии с вашими инструкциями. Устройство сработало в назначенное время.

– И оно всего лишь наделало много шума! Цель не была достигнута, объект почти не задело.

– Она действовала непредсказуемо. Подобные вещи нельзя прогнозировать.

– Что ж, будем надеяться, что на сей раз вы все будете держать под контролем.

– Итак, каково имя нового объекта?

– У нас два объекта. Брат и сестра, Джордан и Берил Тэвисток. Они остановились в «Рице». Я хочу знать, куда они будут ходить. С кем станут встречаться.

– И ничего больше?

– Пока – просто наблюдение. Но все может измениться в любое время – в зависимости от того, что им удастся выяснить. Если повезет, они просто откажутся от своей затеи и сбегут домой, в Англию.

– А если не сбегут?

– Тогда нам придется предпринимать определенные шаги.

– А что насчет мадам Сен-Пьер? Вы хотите, чтобы я попробовал еще раз?

Звонивший ненадолго замолчал.

– Нет, – наконец сказал он, – мадам Сен-Пьер может и подождать. В данный момент на первый план выходят Тэвистоки.

* * *

За ужином, состоявшим из тушеного лосося и утки под малиновым соусом, Берил с Ричардом осыпали друг друга колкостями и парировали взаимные нападки. Вулф, искусный словесный дуэлянт, лишь бегло, в общих чертах обрисовал свою личную жизнь.

Как выяснилось, он родился и вырос в Коннектикуте. Его отец, вышедший в отставку коп, до сих пор был жив. После окончания Принстонского университета Ричард поступил на работу в Государственный департамент США, был чиновником в посольствах по всему миру. Пять лет назад он оставил государственную службу, чтобы организовать собственный бизнес – работать консультантом по безопасности. Так на свет появилась фирма «Сакарофф и Вулф», которая располагается в Вашингтоне, округ Колумбия.

– Именно дела фирмы привели меня в Лондон на прошлой неделе, – объяснил Ричард. – Несколько американских фирм хотели обеспечить безопасность своих руководителей во время экономического саммита. Меня наняли в качестве консультанта.

– И это все, чем ты занимался в Лондоне? – уточнила Берил.

– Это все, чем я занимался в Лондоне. До тех пор, пока не получил от Хью приглашение в Четвинд. – Его пристальный взгляд вновь устремился через стол и впился в мисс Тэвисток.

Американец казался откровенным, но Берил все равно было не по себе. «Что он мне рассказывает – правду, вымысел или нечто среднее?» – мучилась она. Сухое

перечисление не вызывающих сомнений фактов производило впечатление отрепетированного рассказа – и это все действительно могло быть легендой. Люди, работавшие в разведывательной службе, обычно в совершенстве заучивали придуманные истории жизни, запоминали детали, ловко смешивали факты с фантазиями. Что Берил действительно знала об этом Ричарде? Только то, что он часто улыбался, легко и открыто смеялся. А еще то, что у него был здоровый аппетит и он пил черный кофе. И, безусловно, то, что ее безумно, неудержимо влекло к нему.

После ужина Вулф любезно предложил Тэвистокам отвезти их обратно в «Риц». Джордан уселся на заднее сиденье автомобиля, Берил заняла место впереди, справа от Ричарда. Она продолжала искоса посматривать на специалиста по безопасности, пока он ехал по бульвару Сен-Жермен к Сене. Даже оживленное уличное движение, возмутительно грубое и шумное, казалось, совершенно его не раздражало. Замерев перед светофором, Ричард обернулся и взглянул на Берил – одного мимолетного взгляда, едва различимого в окутавшей салон темноте, было достаточно, чтобы заставить ее сердце перевернуться в груди.

Вулф между тем невозмутимо переключил свое внимание обратно на дорогу.

– Еще так рано, – сказал он. – Вы уверены, что хотите вернуться в отель?

– А какой у нас выбор?

– Поездить по городу. Прогуляться. Куда только не пожелаете. В конце концов, вы в Париже. Так почему бы этим не воспользоваться?

Ричард наклонился, чтобы переключить передачи, и его рука проскользнула мимо колена Берил. Ее тело мгновенно пронзила дрожь – страстное, восхитительное чувство предвкушения.

«Он соблазняет меня, – подумала Берил. – Кружит мне голову всеми этими возможностями. Или это из-за вина? В любом случае чем может повредить небольшая прогулка, немного свежего воздуха?»

Она оглянулась через плечо:

– Как ты думаешь, Джорди? Не хочешь немного прогуляться по городу?

Ей ответствовал громкий храп.

Повернувшись, Берил с изумлением увидела, что ее брат растянулся на заднем сиденье. Бессонная ночь и пара бокалов вина за ужином сделали свое дело: Джордан спал как убитый.

– Полагаю, это значит «нет», – со смехом констатировала она.

– А как насчет только тебя и меня?

Это приглашение, прозвучавшее так мягко и нежно, заставило Берил вновь ощутить дрожь, пробежавшую вдоль спины. «В конце концов, – повторила она про себя его аргумент, – ты в Париже…»

– Хорошо, только короткая прогулка, – согласилась она. – Но сначала давай проводим Джордана до кровати.

– Камердинер к вашим услугам, – засмеялся в ответ Ричард. – Итак, первая остановка – «Риц».

Джордан прохрапел всю дорогу до отеля.

* * *

Они прогуливались по саду Тюильри, гравийная дорожка вела через регулярный, строгих форм парк; в свете уличных фонарей статуи прежних времен светились белым, напоминая привидения.

– И снова мы в знакомой обстановке, – сказал Ричард, – прохаживаемся по другому саду. Если бы мы только могли найти лабиринт со славной каменной скамеечкой в центре.

– Зачем? – спросила Берил с улыбкой. – Надеешься повторить сценарий?

– С немного другим окончанием. Знаешь, после того, как ты оставила меня там, внутри лабиринта, мне понадобилось минут пять, чтобы найти выход.

– Я знаю, – рассмеялась она. – Я ждала у двери, считая минуты. Пять минут – неплохой результат на самом деле. Но другие мужчины добивались большего успеха.

– Так вот какие проверки ты устраиваешь мужчинам! Ты словно сыр в этом лабиринте…

– А ты был крысой.

Они снова рассмеялись, и звуки их голосов прорезали ночную тишину.

– Выходит, мой результат оказался… не самым лучшим? – спросил Вулф.

– Нормальным.

Ричард подошел к Берил, его улыбка замерцала в сумерках.

– Больше, чем средненьким?

– Специально для тебя я сделаю скидку. В конце концов, там было темно…

– Да, темно, это стоит принять в расчет.

Ричард придвинулся еще ближе, так близко, что Берил пришлось откинуть голову назад, чтобы взглянуть на него. Так близко, что она почти могла ощущать жар, исходящий от его тела.

– Очень темно, – прошептал он.

– И, возможно, ты был дезориентирован?

– В высшей степени.

– И с моей стороны это была отвратительная, злая шутка, которую я сыграла…

– …И за которую ты должна понести самое суровое наказание.

Ричард потянулся к Берил и сжал ее лицо в ладонях. Берил ощутила вкус его губ, и дрожь удовольствия пронзила ее тело. «Если это – мое наказание, – подумала она, – о, позволь мне снова совершить преступление…» Пальцы Ричарда скользнули в ее волосы, спутывая пряди, а его поцелуй становился все глубже, все настойчивее…

Берил почувствовала, как ноги начали дрожать и предательски слабеть, но ее это не беспокоило – Ричард был здесь, рядом, он не даст ей упасть. Берил услышала его неясный шепот страстного желания и осознала, насколько опасными были эти поцелуи, – Ричард, как и она сама, стремительно несся к самому краю соблазна. Но ее это не волновало – она была готова сорваться в эту манящую бездну…

И тут, совершенно неожиданно, Ричард застыл на месте. Еще секунду назад он целовал Берил, а теперь сильные руки, все еще сжимавшие ее лицо, будто оцепенели. Но Вулф не отстранился. Совсем наоборот: стоило Берил почувствовать, что все его тело напряглось, как он еще крепче сжал дикарку в своих объятиях. Губы Ричарда скользнули к ее уху.

– Давай прогуляемся, – прошептал он. – К площади Согласия.

– Что?

– Просто иди. Не показывай никаких признаков тревоги. Я буду держать тебя за руку.

Внимательно посмотрев на лицо Ричарда, Берил сквозь полумрак заметила в его взгляде чрезвычайную настороженность. Отложив на потом все вопросы, она позволила американцу взять себя за руку. Они повернулись и, стараясь ничем не выдать своего волнения, направились к площади Согласия.

Специалист по безопасности ничего не объяснял, но Берил уже по одному тому, как он сжал ее руку, знала: что-то идет не так, и это уже не игра. Как любая

другая парочка возлюбленных, они неспешно побрели через сад, мимо спрятавшихся в тени клумб, мимо выстроившихся в ряд статуй, походивших на призраки. Понемногу Берил начинала улавливать звуки: отдаленный рев уличного движения, шелестевший листвой ветер, их обувь, хрустящая по гравию… И шаги, неотступно следующие за ними.

Берил нервно вцепилась в руку спутника. В ответ он сжал ее ладонь ободряющим жестом, и этого было достаточно, чтобы притупить острое, словно лезвие бритвы, чувство страха. «Я знаю этого человека всего один день, – подумала она, – но уже чувствую, что могу на него рассчитывать».

Ричард ускорил темп – постепенно, так что Берил почти не заметила этого. Шаги все еще слышались где-то позади них. Пара повернула направо и пересекла парк, направившись к улице Риволи. Шум дорожного движения усилился, поглощая звуки шагов их преследователя.

Судя по всему, настал самый опасный момент этой рискованной игры – темнота осталась позади, и у человека, шедшего следом, был последний шанс напасть на них. Яркий свет с улицы звал вперед, суля скорое избавление от преследования. «Мы можем сделать это, если побежим, – пронеслось в голове Берил. – Пронесемся между деревьями – и окажемся в безопасности, окруженные другими людьми». Она приготовилась к рывку, ожидая только команды Ричарда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/tess-gerritsen/po-ih-sledam-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити